
ORDO ALETHEIAS
COALITIO FERANORUM
ПЫЛЬ ВЕКОВ
И РАДУГА
Опала
18+
СОФЬЯ ХЕЙДЕКРАУТ

Софья Хейдекраут

Пыль Веков и Радуга Опала

«Автор»
2026

Хейдекраут С.

Пыль Веков и Радуга Опала / С. Хейдекраут — «Автор», 2026

За гранями привычного мира, где время - не просто течение, а могущественная сила, дремлет нечто, скованное веками. Лишь Избранный может пробудить его, но плата за это - забвение собственной судьбы. Кто он - избранный или обречённый? И что случится, когда это нечто откроет глаза? Ни прошлое, ни будущее не останутся прежними. Мир, уверенный в исчезновении древних сил, вскоре узнает, что забвение - не всегда означает конец.

© Хейдекраут С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глаза их полны заката, сердца их полны рассвета. 6
Глава 2. Их нежит небо, или травит ад? 17
Глава 3. Каждый из нас носит в себе и ад, и небо. 28
Глава 4. Сквозь мессы уходящим и грядущим дням. 43
Глава 5. Если Бог - это женщина, то Бог это оружие. 52
Глава 6. Чтоб алчность и грех им не стали судьбой. 65
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Пыль Веков и Радуга Опала

Софья Хейдекраут.
Цикл: Имя им Легион
Пыль Веков и Радуга Опала • 1 книга

Глава 1. Глаза их полны заката, сердца их полны рассвета.

За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы:
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.

И. Бродский

Турция. Стамбул. 2021 год.

Каждый новый шаг вязнул в кромешной тишине и пустоте, ощущение, что пол превратился в болотную жижу, которая намертво присасывается к подошвам. Коридор без конца удлинялся, дразня её единственным правилом: чем отчаяннее несёшься вперёд, тем дальше убегает выход. Тут же пришло осознание — это сон, ведь во сне именно так и бывает: надрываешься из последних сил, а остаёшься на месте. Но здравый вывод моментально потонул в ледяном потоке ужаса, мёртвой петлёй обхватившем шею.

Потолок нависал бетонной массой — такие архитектурные излишества способен породить только кошмар. Мысль испарилась, снесённая свежей волной паники: сзади грохотали шаги. Тяжёлые, размеренные, каждый удар скручивал внутренности в тугой ком. Плечи сами вжимались в корпус — дурацкий инстинкт, будто можно сделаться незаметной, спрессоваться до размеров пылинки и пропустить преследователя мимо.

Коридор изгибался, глумясь над всякой геометрией — ну а во сне законы физики не действуют, верно? Способность изумляться Эстер уже отключила. Остались только холодный, прилипчивый страх и пульсирующий в висках ритм: «Быстрее, быстрее!».

Мгновение, когда чернильная мгла спереди отвердела в преграду, она пропустила. Просто перед ней материализовалась стена — идеально чёрная, без единой трещинки и дверного намёка. Эстер саданула по ней ладонями, зашарила в слепой надежде отыскать любой выступ, любую щель, малейший признак прохода. Пусто. Глухой тупик.

Шаги за спиной накатывали всё ближе, и теперь она разбирала не только их, но и дыхание — сиплое, натужное, как у замученного зверя.

Рывком она обернулась и приклеилась лопатками к ледяной глади. Воздух застрял в горле колючим комом. В паре шагов стояло нечто — оживший, дышащий сгусток тьмы, а не человек. Выброшенная вперёд конечность заканчивалась загнутыми когтями. Внезапно засветился камень на груди — разлил по телу тепло и засветился тусклым светом, достаточным, чтобы выхватить главное: под капюшоном не было лица, только бездонный провал.

— Верни, — голос возник не извне, а прямо в сознании, окутывая мысли ледяной паутиной, сковывая их. — Верни то, что взяла.

Она вжалась в стену, силясь просочиться сквозь неё, исчезнуть, стать невидимкой. Пальцы конвульсивно стиснули камень — он разгорался, обжигая ладонь, и пульсировал в такт сердцу. Сейчас реальными оставались только три точки: жар в кулаке, безумный ритм в рёбрах и молчаливый взгляд из пустоты.

— Не отдам, — вырвалось сиплым шёпотом.

Голос сломался почти по-детски, но в нём застыла несгибаемая решимость. Откуда она взялась? Может, из обречённости, а может — из врождённого упрямства; бабушка называла это «фамильной жилкой», дед — «бараньим упорством». Сейчас плевать. Она не отдаст. Ни за что.

Когти чиркнули по руке — вспухли три алые линии. Сначала ничего, только потом взорвалось жжение. Эстер попыталась крикнуть, но тьма хлынула в рот, в нос, в лёгкие, и мир сжался в чёрную точку, растворившись в немой пустоте.

Эстер дёрнулась и села в кровати, судорожно вдыхая воздух. Простыня насквозь пропиталась потом, волосы облепили лицо, а сердце колотилось где-то у самого горла, перекрывая дыхание и мысли. Зажмурилась, пытаясь воскресить бабушкин совет: вдох на четыре, пауза, выдох на четыре. Раз. Два. Три. Четыре. Не помогало. Только когда она принялась бормотать счёт вслух, спотыкаясь и глотая окончания, пульс начал сбавлять обороты и впустил один глубокий глоток воздуха.

Комната тонула в сером предрассветном сумраке. Ночник у тумбочки подмигивал, вырезая на стенах диковатые тени. Эстер скользнула по ним взглядом и тут же отвернулась. С неё на сегодня теней хватит.

Рука горела. Она поднесла её к лицу и замерла. От локтя до запястья по коже тянулись три длинные царапины — неглубокие, но с капельками крови по краям, слегка воспалённые.

— Чёрт… — выдохнула она.

Сама себя расцарапала во сне? Но чем? Ногти она укоротила три дня назад, и столь ровных, отчётливых полос ими не прочертить. Мысли ворочались тяжело, голова была чугунной, однако одно она осознавала чётко: срочно в ванную. Смыть кровь, заклеить раны, а разборки отложить на потом — сейчас любые попытки анализировать только подстегнут панику.

Свесив ноги с кровати, она встала и тут же чуть не рухнула — пол ушёл из-под ступней, точно палуба в девятибалльный шторм. Эстер вцепилась в край матраса, переждала накатившую тошноту, зажмурилась и мысленно досчитала до десяти. Затем, нарочно не глядя по сторонам — только не на тени, только не в угол у окна, где мрак сбивался в плотный ком, — она заставила себя двинуться в ванную.

Горячие струи душа хлестали по спине, водяная пыль затянула глаза — и это её почти устраивало. Рук не рассмотреть, царапин не видать. Можно на минуту представить, будто всё обошлось. Обычный ночной кошмар. Неудачно повернулась во сне. Ерунда. Надо просто сварить кофе, и отпустит.

Выбравшись из-под воды, она плотно закуталась в халат, протёрла ладонью запотевшее стекло, мельком поймала в зеркале собственное отражение — светлое лицо, огромные зелёные радужки — и сразу отвернулась. Толкнула дверь, шагнула обратно в комнату и окаменела.

У самого окна застыла фигура. Рослая, в длинном тёмном плаще, капюшон низко надвинут, полностью гася черты лица. Свет уличного фонаря, просачивавшийся в прореху меж штор, совершенно не разбавлял эту густую черноту. Мрак вокруг гостя казался тяжелее и плотнее, чем ему полагалось, словно тот принёс его с собой: темнота вытекала из-под пол плаща, растекалась лужами по полу и тянулась к ней гибкими щупальцами.

Гость сделал шаг вперёд.

Инстинкт выстрелил раньше рассудка. Не раздумывая, не просчитывая шансы, Эстер размахнулась и засадила кулаком прямо в чёрную пустоту. Костяшки глухо врезались во что-то твёрдое.

— Ай! — донёсся сдавленный стон.

Силуэт качнулся, руки гостя метнулись к лицу. Капюшон слетел, открыв черты её лучшего друга.

— Вот это удар, Эстер Розалес! — выпалил он, осторожно ощупывая стремительно наливавшуюся краснотой скулу. Отпечаток её кулака проступал на коже со всей отчётливостью.

Эстер шумно выдохнула. Лавина облегчения немедленно смешалась со взрывом раздражения.

— А сразу нельзя было обозначиться, Сенмут?! — голос зазвенел от злости. — Я что, по-твоему, кисейная девица, которая при каждом шорохе падает без чувств? Сейчас я тебе покажу, на что я способна!

Сенмут отбросил со лба тёмную прядь и усмехнулся — щека ещё саднила, но глаза откровенно смеялись. Боль явно не портила ему удовольствия.

— Каюсь, ждал, что ты сползёшь по стеночке в обморок, а не отправишь меня в нокаут, — он потрогал скулу и скривился. — Хотя... в некотором роде мне это даже льстит.

— Льстит?! — Эстер взмахнула руками. — Да я сейчас чуть коньки не отбросила!

— Зато ты мгновенно взбодрилась, — с довольным лицом парировал Сенмут. — Кстати... у меня беда. Пропал кот.

— Что?! — Эстер аж задохнулась возмущением. — Ты вламываешься посреди ночи, доводишь меня до паники... и всё ради кота?!

— Не простого кота! — Сенмут поднял палец с напускной многозначительностью. — Цезаря.

Она вперила в него взгляд, силясь понять, издевается он или говорит серьёзно.

— Сенмут, не будь ты моим лучшим другом, я бы тебя уже выкинула из окна. И о твоём существовании никто бы даже не вспомнил!

— Да я это обещание уже лет десять выслушиваю, — отмахнулся он с ухмылкой. — Ну так что, подсобишь вернуть пушистого дезертира?

Эстер картинно закатила глаза и с трагической миной рухнула на край кровати.

— Боюсь, рассчитываешь ты зря. Твой Цезарь, скорее всего, прямо сейчас задаёт пир в дебрях моего олеандра.

— В олеандре?! — Сенмут подпрыгнул, будто его током ударило. — Он же тащится от этих кустов! Сидит небось где-нибудь, чихает и глазеет на луну, возомнив себя поэтом-романтиком!

— О, величайший из владык! И как я только не предугадала визит столь августейшей особы?! — Эстер с напускной торжественностью отвесила шутовской поклон, тут же выпрямилась и ткнула в Сенмута исцарапанной рукой. — А про меня ты вообще вспомнил? Можно хоть капельку жалости? Я тут едва седых волос не нажила из-за твоего бесценного Цезаря!

— До седины, может, и не дошло, зато физиономию мне ты разрисовала от души, — мгновенно парировал Сенмут, гордо подставляя пылающую скулу. — Ты только глянь — чистое произведение искусства!

Эстер не выдержала, прыснула и закрыла лицо ладонями.

— Ты всё-таки невыносим.

— Зато чудовищно обаятелен! — Сенмут театрально развернул плечи. — Погоди-ка… — Он вдруг замер и резко обернулся. — Слышала?

Эстер вскинула голову. В углу что-то зашевелилось. Тень метнулась за кресло, и в тишине прорезалось тихое, но крайне выразительное «мр-р-р!».

Они инстинктивно прижались друг к другу, плечом к плечу, прямо дуэт горе-сыщиков из дешёвого триллера, и оба уставились в чёрный провал под столом.

— Кис-кис-кис, Цезарь… радость моя, ты куда запропастился? — заворковал Сенмут. — Вылезай, я ни капельки не сержусь!

Эстер с трудом подавила смешок.

— Ты и вправду веришь, что этот мохнатый хулиган купится на ласковые уговоры? Может, сразу арию ему споёшь под балконом?

Ответить Сенмут не успел — из-под стола пулей вылетел огненный рыжий снаряд. Цезарь, с очумелым выражением морды и хвостом, раздувшимся до размеров беличьего, взмыл в воздух, снёс груду книг, чуть не опрокинул настольную лампу и микро-ураганом понёсся к портьерам. Ткань забилась, точно сорванный ветром парус.

— Ах ты ж!.. — охнул Сенмут и метнулся следом, в прыжке ловко сгребая кота. — Стой, шельмец! — Он притиснул пушистого дезертира к груди.

Рыжий кот уставился на Эстер так, словно она была главным злодеем всей его кошачьей саги. В янтарных глазах застыла безмолвная претензия от имени всего звериного братства.

— Боишься эту суровую леди? — проворковал Сенмут, укачивая кота, как новорождённого. — Не дрейфь, кроха, я тебя никому не отдам!

— Суровую?! — Эстер так резко дёрнула бровями, что они едва не улетели за линию роста волос. Она замахнулась на Сенмута, однако тот с балетной грацией отскочил вбок, не выпуская пушистого нарушителя.

Дверь с треском распахнулась. Внутрь ворвалась Сунан — смерч рыжих кудрей и полыхающих, как жар, глаз.

— Подъём, Эстер! — завопила она, но тут же застыла, обозревая открывшуюся картину: Сенмут, сжимающий кота, Эстер с занесённой для оплеухи ладонью, раскиданные тома и дрожащая штора. — Ничего себе... Я, выходит, к самому сладкому. — Она прищурилась и сложила руки на груди. — И что за моноспектакль тут разыгрывают?

— Цезарь нашёлся! — торопливо отрапортовал Сенмут, гордо выставляя рыжего пройдоху.

— Твой кот — ходячий катаклизм, — мрачно отчеканила Сунан. — Ты в курсе, что он устроил с моей новой кроватью? Там теперь провал размером с целый мегаполис!

Сенмут мгновенно нахохлился, изобразив вселенскую обиду.

— Как у тебя язык поворачивается такое про моего Цезаря?! Он — наследник кошачьей династии! — провозгласил он пафосно, приподнимая кота, будто представлял его высочайшей аудиенции.

— Наследник династии? — прыснула Сунан. — Да он наследник помоечных авантюристов!

Эстер не выдержала — прыснула в ладонь, тщетно глуша хохот. Сенмут метнул в неё укоризненный взор, но механизм уже запустился: смех затопил комнату, подхватив каждого.

— И да, Сенмут, ты мне возместишь ущерб, — жёстко напомнила Сунан, не двигаясь ни на шаг со своей позиции. — Это даже не обсуждается.

— Ты у нас злопамятная, Су! — застонал он, ласково почёсывая кота за ухом. — Меня сегодня уже разок поколотили!

Сенмут метнул косой взгляд на Эстер, а та с непроницаемым лицом перебросила локон через плечо, всем видом демонстрируя полную непричастность.

— Минутку! — Сунан в один миг ожила и цепко ухватила Сенмута за оба плеча, словно прикидывая, сколько мраморная скульптура потянет на торгах. — Вот так глыба! — Она присвистнула с искренним восхищением. — Эстер, я аплодирую стоя! Ты умудрилась оставить автограф на этом базальтовом монолите!

— А ну пусти! — взвыл Сенмут, рефлекторно прижимая кота к груди. — Я тебе что, выставочный образец из музея диковин?! И хватка у тебя, замечу, прямо стальные тиски! — Он вдавился спиной в стул, отчаянно пытаясь вывернуться из мёртвого захвата.

— Так, цирк закрывается, — Сунан разжала пальцы и опять сцепила руки на груди. — Уноси отсюда себя и своего мохнатого сообщника. Нам пора приводить себя в порядок, а ты развёл тут драматический театр.

Эстер, сотрясаясь от сдавленного хохота, рухнула лицом в подушку.

Сенмут, с видом оскорблённого до глубины души графа, величественно двинулся к выходу.

— Стало быть, выдворяете меня с позором? — протянул он с надрывной трагичностью. — Что ж, прекрасно… знайте: я ещё объявлюсь!

Перенеся вес через порог, он задрал подбородок и через плечо отвесил многозначительный взгляд:

— И попомните, дамы… моя месть окажется приторнее патоки.

Цезарь, умостившийся у него на руках, коротко мякнул, точно ставил сургучную печать под соглашением.

— Ой, умоляю, Сенмут, держи свои зловещие пророчества при себе! — выкрикнула вдогонку Сунан и небрежно отмахнулась.

— А кто мне помешает? — откликнулся Сенмут, вынырнув из-за дверного косяка. Глаза его озорно горели, а лицо сияло, как у проказливого мальчишки, только что стащившего лакомство с прилавка. — Вы? Или ваша прославленная гвардия диванных подушек?

— Прочь пошёл! — рявкнула Сунан, но в голосе у неё звонко рассыпался смех.

Сенмут, заливаясь победным хохотом, окончательно растворился в коридоре. Его смех ещё долго перекатывался по стенам, расходясь озорным эхом.

***

Солнечный свет бил сквозь панорамные стёкла, разбрасывая по столешницам и полу дрожащие золотые монеты. В кабинете царили тепло и блеск, а от студентов требовалась строгая собранность и прямая спина.

Эстер вкладывала всю волю в то, чтобы лоб не встретился со столешницей.

«Альентар, Ифриты, порядок, хаос…» — мысленно застонала она. — *«Какая смертная тоска! Даже тараканы за плинтусом, и те сдохли бы от скуки на этой паре».*

— Итак, — выговорил Зейн Синклер, лениво прохаживаясь между рядами.

Молодой двадцатипятилетний преподаватель истории Альентара и Ордена, как обычно, выглядел с иголочки: тёмно-рыжие пряди уложены волосок к волоску, спина струна, жесты выверенные. В пальцах он лениво вертел свой хризалис и время от времени постукивал им по ладони — мерное «тук-тук» нагоняло ещё больше смертельной скуки.

— Объясните мне, как появились первые Ифриты? Какова их глубинная природа? Для чего они существуют? — тон абсолютно ровный, казённый, словно вещал не человек, а голосовой помощник.

«Ничего себе перемена! — мысленно присвистнула Эстер. — *Обычно Синклер разил язвительными шуточками, от которых хотелось залезть под парту, а нынче — сама официальная сухость. Что на него нашло?»*

Она перевела глаза на доску. Там значилось: «Соглашение», «Ифриты», «Баланс». В голове Эстер эти слова складывались не в учебную запись, а в пиратскую карту, где половина указателей старательно замазана.

Вдохнув поглубже, Эстер потянула ладонь вверх.

— Их сотворили из крови семи богов Альентара и эфира, — отчеканила она. — Изначально это были простые смертные, получившие божественную мощь. Ещё… — она запнулась, моргнула, — бытует версия, что боги специально вмешали в свою кровь ангельскую составляющую. Эфир — это то, что нас делает ифритами, что позволяет управлять особым оружием, чертить санкты в воздухе и на теле и сражаться с порождениями изнанки.

Она сама изумилась, как без труда достала эти факты из памяти.

Зейн мазнул по ней мимолётным взором, и уголки его губ слегка растянулись в довольной усмешке.

— Правильно, мисс Розалес, — бросил он без единой эмоции и сразу же отвернулся. Его внимание соскользнуло с неё, будто она была пустым местом, и унеслось к окну, где солнеч-

ные зайчики скакали, издеваясь над его серьёзностью. — А их истинная миссия? В чём она состояла? С какой целью их создали?

Эстер уткнулась взглядом в собственные пальцы, механически накручивавшие пряди. Сущность, цель… *«Святые, да какая теперь разница?!»* — вспыхнуло в голове. С трудом поймав ускользающую мысль, она выдавила:

— Изначально… задумка была в том, чтобы сделать из них армию Порядка против всепоглощающего Хаоса. Однако… когда боги пали, сами термины «Порядок» и «Хаос» размылись. Но мы всё равно продолжаем биться с тьмой, где бы она ни пряталась. Членов Ордена Альентара сегодня встретишь где угодно, хоть в самой глухой дыре мира.

— Неплохо, мисс Розалес, — кивнул Зейн. Опять холодно. Опять так, будто говорил не ей, а пустому воздуху. — Базовые вещи вы усвоили.

Эстер стиснула зубы. Эти слова хлестнули пощёчиной.

«Базовые вещи?! — внутри взорвался фонтан злости. — *Я тут по крупицам выскребаю знания из памяти, а он… словно я дрессированный щенок, ткнувшийся носом в мишень! Что с ним такое сегодня творится? Где его обычные ехидные ухмылки, эти многозначительные взгляды, от которых я вспыхиваю, как переспелый помидор?»*

Её взгляд буравил столешницу, но внутри всё клокотало от ярости.

«Так-так, Зейн Синклер… захотелось тебе примерить маску ледяного учителя? Валяй. Но не забывай: даже самая толстая корка льда способна расколоться без предупреждения».

Она отчаянно пыталась выглядеть невозмутимой, однако пальцы помимо воли выбивали по дереву барабанную дробь — настоящий парад уязвлённого самолюбия.

— Итак, мои юные охотники за истиной, на этом ставим точку, — объявил Зейн. — Урок завершён. Все свободны — если только я не передумаю и не устрою вам внеочередной экзамен на выносливость.

Аудитория взорвалась движением. Студенты вспорхнули точно стайка птах: затрещали закрываемые тетради, зашаркали по полу отодвигаемые стулья, один парень судорожно запихивал шпаргалку в рукав. Гул радостных голосов прокатился волной, и всё пространство пропиталось отчётливым облегчением.

— Кстати, Сенмут! — окрикнул его Зейн, когда тот уже почти просочился в дверной проём. — Устроишь в следующий раз геноцид чернильницам — будешь лично драить полы своей шевелюрой.

— Огромное спасибо за приглашение, господин Синклер! — бросил Сенмут с явным пренебрежением к угрозе и мигом испарился в коридоре.

По губам Зейна скользнула еле уловимая улыбка. Выждав, когда гомон утихнет и аудитория почти опустеет, он спокойно сказал:

— Мисс Розалес, задержитесь на минуту, пожалуйста.

Тон был обманчиво мягким, однако та самая тревожная интонация прорезалась в нём — и внутри Эстер началось хаотичное цирковое шоу.

«Ну началось. Стандартный сценарий. Боги, до чего же это предсказуемо!» — молнией вспыхнуло в сознании.

Эстер остолбенела. Кулаки сжались сами собой. В памяти вспыхнули вереницы ночей, проведённых под одеялом с фонариком, — она проглатывала книжки, где подобные моменты встречались на каждом шагу. В те дни она мнила себя непробиваемой воительницей, которой не страшны никакие девчачьи фантазии. Однако теперь весь этот бастион готов был развалиться на куски.

«Главное — не пылай щеками, Розалес. Не то можешь сразу заказывать себе надгробие», — скомандовала она себе мысленно.

Эстер обернулась медленно, набросив на лицо выражение ледяного спокойствия.

— Что-то не так, господин Синклер? — её голос прозвучал ровно, без единой трещинки.

— Поразительно, мисс Розалес, с какой внезапностью у вас проснулась тяга к наукам, — проговорил он, чуть изогнув бровь. — Два месяца я тщетно пытался уловить в вас хотя бы отблеск интереса. И вдруг — настоящий бунт. Что стряслось? Может, вы совсем не та, за кого себя выдаёте?

Эстер вся подобралась, распрямила спину и, стиснув волю, встретила его взгляд нахальной ухмылкой:

— А у меня полные карманы сюрпризов, господин Синклер. Просто голые теоретические конструкции нагоняют смертную тоску. Мне подавай дело — реальное, а не пустопорожнюю болтовню.

— О да, вам только дай предлог пустить в ход кулаки, — протянул Зейн. — Пока, как я погляжу, единственной жертвой числится бедолага Сенмут.

— Он нисколечко не бедолага, — возразила Эстер с деланым простодушием, хлопнув ресницами. — У нас просто… весьма своеобразный способ выражать приятельские чувства.

— Ну ещё бы, — Зейн разыграл полнейшее понимание. — Подзатыльники, пендели… А в перерывах, видимо, кружок по взаимному членовредительству?

— Вы оставили меня после урока исключительно ради этих насмешек? — Эстер вздёрнула подбородок, вперившись ему прямо в зрачки. — Опять будете втолковывать, что девице неприлично раздавать тумаки?

— Разве я способен на столь низкие помыслы? — Зейн подался вперёд одним плавным, текучим шагом.

Эстер рефлекторно подалась назад и сразу почувствовала, как край стола жёстко впивается в бёдра.

«Загнали в угол. Прямо по канонам дешёвого любовного романа. Превосходно, Розалес, именно этого тебе сейчас и не хватало», — пронеслось в голове.

Чуть склонив голову набок, Зейн понизил голос почти до шёпота:

— Я ни в коей мере не осуждаю ваши приёмы, мисс Розалес. Напротив… я испытываю к ним неподдельное восхищение. В вас заложен гигантский потенциал.

Он задержался взглядом на её лице с откровенностью, непростительной для наставника, и по его губам опять скользнула легкая усмешка.

Удары собственного сердца загремели в ушах Эстер с такой мощью, что, казалось, этот грохот заполняет весь кабинет.

«Гигантский потенциал, значит? Прекрасно, сейчас я и предъявлю вам свою главную способность…» — проскользнуло у неё в голове.

— Потенциал? — Эстер сощурилась, точно выискивая в его фразе скрытый шифр. — Вы намекаете, будто кулаками историю вызубрить проще, чем по учебникам?

Зейн усмехнулся — звук вышел тихим, с тёплой хрипотцой, от которой мурашки строем проскакали по её спине.

— В моём курсе, мисс Розалес, физические упражнения не возбраняются… покуда они служат просвещению.

— Тогда готовьтесь к демонстрации, господин Синклер.

— Великолепно, — он кивнул, и в зрачках заплясали бесовские искры. — Но предупреждаю сразу: экзаменую я жёстко.

Эстер помимо воли закусила губу, сдерживая смех. Как можно прикидываться, что перед ней обыкновенный занудный преподаватель, если он флиртует с такой лёгкостью, точно это его привычная форма беседы?

— Вашу бьющую через край энергию, мисс Розалес, не мешало бы переплавить в нечто созидательное, — произнёс он задумчиво, рассматривая её как раритет, нуждающийся в особо тонкой настройке. Отступив к столу, он провёл кончиками пальцев по ребру хризалиса и гля-

нул на неё через плечо. — Я отбираю компактную команду… особо одарённых студентов для углублённых занятий. Любопытно?

— Туда уже километровая очередь? — сорвалось с языка Эстер прежде, чем включилась голова, и она тут же мысленно влепила себе затрещину.

Зейн спрятал лицо в бумагах, но краешек губ вероломно дёрнулся.

— Желающих тьма. Даже с перебором.

— Ну ещё бы, — не сдержалась Эстер, — любая девчонка Академии спит и видит, как просочиться в ваш «привилегированный список»!

Внутри у неё взревели сирены тревоги: *«Ты просто дура, Эстер! Дура! Дура! Дура!»*

Синклер по-прежнему не поднимал головы, но плечи его начали сотрясаться от сдерживаемого хохота.

— Мисс Розалес, ну вы бы попытались хотя бы закамуфлировать свою ревность, — улыбнулся он. — Иначе я воображу, что вы ко мне неровно дышите.

— Ревность? — Эстер взмахнула руками с наигранным негодованием. — О чём вы вообще! Я просто регистрирую общеизвестный факт. По вам томно вздыхает добрая половина Академии, если не все остальные!

Наконец он поднял глаза — и от этого взгляда её внутренний цирк мгновенно пополнился глотателями огня и акробатами на ходулях.

— А мне-то что до их томных вздохов? — отозвался он, чуть наклонив голову. — Для меня они всё равно что прошлогодний снег. У меня повестка посерьёзнее — мир спасать, между прочим.

Фраза резанула глубже, чем она рассчитывала. Он будто только что небрежно задвинул её в ту же самую общую массу — в разряд «прочих воздыхательниц».

— Само собой, понадобятся усидчивость, фанатичная отдача и железная верность курсу, — Зейн неторопливо двинулся по аудитории, напоминая крупного хищника, который не спеша приценивается к добыче. — Но иллюзий не стройте: я не пачками собираю единомышленников. Мне нужны самые несгибаемые, самые способные… и готовые выжимать меня досуха.

«Ну да, а ещё те, кто согласен ежедневно начищать его воображаемую корону до блеска», — про себя хмыкнула Эстер, едва заметно закатив глаза.

— Я… предпочла бы всё серьёзно взвесить, господин Синклер, — проговорила она с такой нарочитой многозначительностью, словно решала не судьбу дополнительных занятий, а участь целого континента.

Зейн скрестил на груди руки и буквально впился в неё долгим, сверлящим взглядом. Под таким напором хотелось тихо сползти под парту и никогда больше не вылезать.

— Безусловно, — проговорил он мягко. — Я понимаю ваше желание как следует подумать. Ставки действительно высоки. Однако… — он сделал ещё один шаг, и голос его соскользнул в шёпот, — запомните: время несётся вперёд и щадит лишь тех, кто вцепляется ему в загривок и сам задаёт темп. Остальные глотают пыль в хвосте.

Он наклонился, и горячее дыхание мазнуло по её щеке:

— Не откладывайте в долгий ящик, мисс Розалес. В моей сумасшедшей команде свободных кресел кот наплакал. Промедлите — и штурвал перехватит кто-то проворнее.

В груди у Эстер словно запустили салютную батарею. «*Ну всё, Розалес. Глаз этой ночью ты точно не сомкнёшь*».

Зейн тут же снова уткнулся в свои бумаги, даже не проводив её взглядом. Будто поставил жирную точку — окончательную, обсуждению не подлежащую.

Эстер застыла, сжимая кулаки так, что ногти больно вонзились в ладони. В душе штормило не на шутку: уязвлённое самолюбие закатило настоящую истерику, рассудок в панике пытался забаррикадироваться в самом дальнем углу, а жгучее, нахальное любопытство стоя аплодировало, требуя немедленного продолжения.

Ни слова не проронив, она развернулась и двинулась к выходу. Каждый шаг гулко отдавался внутри: тук-тук, тук-тук. Злость? Да. Полная растерянность? Сто процентов. Но громче всего звенело странное, почти обидное возбуждение. С каких пор его оценка стала такой значимой? Почему слова Синклера бьют по нервам, точно набатный колокол?

«Что со мной творится?!»

***Солнце садилось, и Стамбул затапливало фантастическим свечением: черепица крыш превратилась в потоки расплавленного золота, Босфор мерцал то густо-зелёным, то глубоко-синим, а древняя брусчатка тянулась к последнему теплу угасающего дня, точно пыталась его впитать.

Хыдырлез — та самая колдовская ночь, когда, по старым поверьям, пророки Хыдыр и Ильяс спускаются на землю, чтобы раздать людям удачу и покровительство. Город качался от многоголосого гула: визг, напевы, запахи свивались в единый пульс карнавала.

Воздух опьянял плотной смесью ароматов — угольная горечь жареного мяса, медовый дух пахлавы, деликатная горчинка роз, — от этого коктейля по лицу сама собой расползалась беззаботная улыбка.

Эстер, Сунан и Сенмут, точно выпущенные из клетки яркие пичуги, нырнули в кипящую людскую реку, которая влекла их прямо к пульсирующему сердцу праздника — площади Султанахмет. Эстер оделась под стать событию: струящееся бежевое платье из шёлка, расшитое узором.

Сунан повязала яркий цветочный платок, Сенмут не отступил от своих вечных принципов: бархатный жилет с затейливой вышивкой поверх льняной рубахи — настоящий костюм бродячего поэта или, может, базарного чудотворца, но уж точно не человека, который желает остаться незамеченным.

Каждый сжимал в кулаке миниатюрный бисерный мешочек, доверху набитый розовыми лепестками. Обычай требовал швырнуть их в костёр, мысленно произнеся самое сокровенное желание.

— Пусть наши мечты унесутся к небу вместе с дымом… или хотя бы не застрянут где-то посередине, — бормотал Сенмут, деловито обнюхивая лепестки.

Грохот бубнов, свистящие трели дудок, взрывы хохота — музыка взвинчивала градус, накаляя атмосферу до предела. Площадь жила своей дикой, необузданной жизнью: люди сцеплялись в хороводы, дети с размалёванными щеками проносились мимо, взвизгивая от восторга, а торговцы заливались скороговорками, расхваливая снедь и безделушки.

Три маленькие рыбки, плывущие против течения, — так они просочились сквозь плотную массу прямо к огненному исполину, вздымавшемуся в самом центре площади. Тени от пляшущих языков пламени перекраивали лица, превращая всех в загадочных незнакомцев в масках. Сумерки уже затянули город плотным пологом, но костёр безжалостно отгрызал у тьмы кусок за куском, заливая всё вокруг тёплым, живым сиянием.

— Вы только взгляните на этого полыхающего монстра! — Сунан почти подпрыгнула, показывая пальцем на гору хвороста. — По легенде, перемахнёшь через такое пламя — и все напасти сгорают дотла. Только смотри не споткнись, а то превратишься в шашлык.

— Я в игре! — Сенмут развернул плечи, и в его глазах зажглись бесовские огоньки. — Вообразите картину: я парю, облачённый величием, а за спиной у меня пылают и исчезают все мои горести. Чистый романтизм! Потом только соберите мой героический пепел — для музейной экспозиции, это не обсуждается.

— Ага, — усмехнулась Эстер, прижимая к груди бисерный мешочек с розовыми лепестками. — Может, тебе ещё и памятник сразу возвести?

Площадь бурлила своей пёстрой, необузданной энергией: отовсюду неслись раскаты хохота, лились мелодии, щекотали ноздри запахи сладостей и жареного мяса, вспыхивали огни и взрывы веселья. Но внутри Эстер набухало странное чувство — липкое, точно патока, оно

не уходило, скреблось изнутри. Её взгляд невзначай уткнулся в гадалку, которая пряталась в тени, закутанная в серебристую шаль, и с ловкостью шулера переворачивала кофейные чашки. В этот миг в голове Эстер что-то перещёлкнуло.

— Может, зайдём к гадалке? — вырвалось у неё неожиданно. — Хотя... для чего? У нас тут собственный персональный предсказатель. Сенмут, а ну-ка прояви свой дар. Бесплатно и не облагается налогом!

— Бесплатно?! — взвыл Сенмут, театрально прижав ладонь к сердцу. — Моему искусству цены нет! Но... — он раздул грудь, словно павлин, разворачивающий хвост, — ради столь ослепительной подруги я отступлю от правил. Кстати: моя бабка была сильнейшей провидицей своего времени. Она видела прошлое, настоящее и будущее, одним взглядом могла перессорить всех соседей и выдать двоюродную сестру за верблюжьего короля.

— Верблюжьего короля? — фыркнула Сунан, которая немедленно вклинилась в разговор. — Вот откуда у тебя пророческий дар!

— Заткнись, неверующая! — торжественно отмахнулся Сенмут. — Эстер, пойдём. Я сейчас распечатаю перед тобой книгу судьбы.

Они отступили под тень арки, прочь от криков и музыки. Сенмут вытянул из сумки турку, свёрток с кофе и даже походную горелку. Огонь вспыхнул мгновенно, и запах свежесваренного кофе поплыл по воздуху.

— Ничего себе, ты с собой весь магический арсенал перетащил?! — не выдержала Эстер, оглядывая груду предметов в руках Сенмута.

— Подлинный провидец всегда обязан быть при полной экипировке, — веско изрёк Сенмут, помешивая тёмную гущу в турке. — Итак, Эстер Розалес? Чего просит твоя душа? Поведаю о любви — жгучей, как июльский зной. Или о славе — грохочущей, будто праздничный салют. Или, может, тебе интересно, сколько обновок свалится в твой шкаф в наступающем году?

— Что мне выпало, Сенмут? — выговорила Эстер негромко, но в голосе прозвенела сталь, удивившая её саму. — Какая дорога меня ждёт, какое место в этой жизни?

Сенмут вздёрнул брови, будто артист, которому ни с того ни с сего сунули трагический текст. Опрокинув чашку, он дал кофейной массе оползти по краям и уставился в замысловатые потёки.

— Различаю... — он растягивал слоги, держа паузы ради нагнетания. — Длинную трассу. Путь, где ловушки притаились за каждой излучиной, где риск дышит в затылок... и, ясное дело, дурацкие сцены — без них никуда. Ты, по своему обычаю, будешь влетать в них с разгону.

— Замечательно, — хмыкнула Эстер, сдабривая голос порядочной долей яда. — Меня прямо переполняет оптимизм.

— Не сбивай, это лишь прелюдия, — Сенмут поднял палец. — На твоём пути встанет масса лиц. Одни пойдут с тобой плечом к плечу, другие... окажутся предателями такой пробы, что от них шарахались бы даже помойные коты.

Эстер усмехнулась против воли, но в груди уже свёртывался ледяной жгут.

— И дальше... — у Сенмута резко огрузнел тон. — Над тобой простёрлась тень. Хищник. Он крадётся бесшумно, караулит удобный миг для броска. Ему позарез нужно то, чем ты владеешь по праву. Стереги это, Эстер. Стереги, как... — он осёкся на миг и фыркнул, — как последний ломоть пиццы в студенческой общаге.

— Просто верх утончённости, — пробормотала Эстер, чувствуя, как по позвоночнику проскользнула ледяная змейка. — Но растолкуй мне: что это всё значит? Кто этот хищник?

Сенмут медленно повёл плечами, и в его взгляде мелькнула такая истома, словно ему самому не хотелось выговаривать следующие слова:

— Кофейная гуща — не фильм с готовым сценарием. Она лишь подаёт намёки, шепчет знаками... Но одно проступает чётко: тебе предстоит выбор. Не заурядный — поворотный.

Такой, что перетряхнёт твою вселенную вверх дном. И, не исключено, заставит увидеть всё под абсолютно иным углом.

Эстер умолкла. Позади рокотало пламя, толпа по-прежнему гуляла — хохотала, горланила, шла в пляс, — но внутри у неё разлилась глухая тишина.

— Мрачноватое у тебя кофе... — наконец выдавила она, упрямо запихивая тревогу за ироничную маску.

— Я предупреждал, — развёл руками Сенмут с напускной безмятежностью. — Моё ремесло — не балаган.

Площадь, только что гудящая весельем, за одно мгновение затопило паникой. Секунду назад все хохотали, жевали лепёшки, подпевали музыкантам — и вдруг всё рухнуло. Людская масса рванула врассыпную: одни ныряли в подворотни, другие швыряли корзины, прилавки опустели вмиг. Радость испарилась, сменившись воем ужаса, как пламя свечи, задутое сквозняком.

Эстер пробрал мороз до самого позвоночника. В ушах зазвенело предупреждение Сенмута про «тень, готовую к прыжку».

— Чёрт… — выдохнула она, вцепившись в скамью побелевшими пальцами. — Сенмут, это ведь не очередная твоя дурацкая шутка?

— Если бы… — пробормотал он. В его взгляде мешались ужас и странная решимость.

Сунан, пока все бежали, наоборот, вытянула шею, вглядываясь вперёд.

— Да что там за переполох?! Может, салют? Или кто-то затеял костюмированный перформанс?

— Сунан! — голос Эстер зазвенел непривычной резкостью. — Это не салют. Когда весело, так не орут.

Из-за края лужайки полезли мутные силуэты. Сначала их можно было принять за игру теней — чёрные фигуры на ярко-голубом небе. Но с каждой секундой они обретали резкость, и вскоре стало ясно: чудовища. Они двигались рваными мазками, словно по холсту, — дёргано, противоестественно. Глаза горели ледяным, мёртвым светом; пасти разевались в немом рыке, когти скребли землю.

— Ну вот и всё, — выдохнул Сенмут, неловко перекрестившись, словно впервые. — Праздник кончился…

— Бежим! — скомандовала Эстер, но ноги приросли к земле. Сердце грохотало так, что, казалось, его слышно на всю площадь.

Сунан, в отличие от паникующих, даже не шелохнулась. Прищурилась, сжала губы и процедила:

— Ну и мерзость… Праздник людям испортили.

— Сунан! — Эстер дёрнула её за рукав. — Ты вообще понимаешь, что это?!

— Ага. Неприятности, — фыркнула Сунан и, к изумлению Эстер, усмехнулась. — Но мы лёгких путей не ищем, верно?

Сенмут заметался, лихорадочно роясь в сумке: то выхватывал турку, то мешочек с гущей, точно искал оружие в отчаянии.

— Ты что, собрался их кофе окатить?! — не выдержала Эстер.

— Не стоит недооценивать силу кофе, — буркнул Сенмут.

Глава 2. Их нежит небо, или травит ад?

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.
У. Шекспир

Вечерний воздух Стамбула, ещё минуту назад густой от запаха розовой воды и жареных каштанов — верных спутников Хыдырлеза, — превратился в студень из визга и грохота опрокидываемых лотков. Крики резали барабанные перепонки.

Эстер даже не заметила, как пальцы стиснули хризалис. Инстинкт сработал раньше разума. Из минерала брызнуло сияние. Девушка стремительно прочертила в воздухе глиф — сложную вязь боевой санкты. Разряд энергии — и в руках материализовалось древко. Лезвие косы, выточенное из вечного, матово-белого льда, казалось, впитывало в себя остатки света. Серебряная рукоять не лежала в ладони, а жила в ней, пульсируя в такт бешеному сердцебиению. Кровь закипела от влившейся силы, пьянящей и жаркой, — того и гляди кости треснут от напряжения. Но разглядывать оружие было некогда.

Прямо из маслянистой черноты пролива, вздыбив воду, выметнулась тварь. Мокрая, лоснящаяся туша, безгубая пасть, усаженная частоколом крючковатых клыков. Демон спикировал на мальчишку-Ифрита. Тот грохнулся оземь, отмахиваясь так безнадёжно, словно пытался заслониться от камнепада ладонями.

— Держись! — выдохнула Эстер, бросаясь наперерез.

Ледяная дуга рассекла ближайшего монстра. Но это была капля в море. Вокруг творился настоящий театр абсурда: толпа металась не хаотично, а будто следуя единому, неслышимому ритму безумия.

Сгустившаяся внезапно тьма, пропитанная едва уловимыми паучьими волокнами неприятно липла к коже. В следующее мгновение в грудь по ощущениям врезался таран. Воздух вышибло напрочь. Эстер показалось, что она услышала хруст собственных рёбер, когда её швырнуло спиной назад. Ноги потеряли опору. Земная твердь под подошвами пошла трещинами. Мир лопнул, сворачиваясь в воронку, и девушка полетела в разверзшийся мрак.

Лёгкие горели. Казалось, в грудную клетку насыпали раскалённых углей вместо воздуха. Эстер судорожно разевала рот, пытаясь сделать вдох, но мышцы свело судорогой — невидимые тиски намертво пережали диафрагму. В голове билась единственная паническая мысль: «Я не могу дышать». Оружие исчезло бесследно, будто пригрезилось.

Сперва она ощутила тиски в на рёбрах, затем запах: лаванда пополам с нафталином, словно кто-то распахнул бабушкин сундук. Эстер попыталась вдохнуть глубже, и тут же из горла вырвался сдавленный хрип.

— Ну-ну, тише, моя ласточка, — пропел женский голос где-то над ухом, текучий, как патока. — Последний шнурочек — и будешь просто куколкой. Потерпи ещё секундочку.

Что-то с силой дёрнуло за спиной, и грудную клетку сдавило до звона в глазах.

— Какой… к грайлиту… шнурочек? — просипела Эстер, пытаясь повернуть голову. — Вы мне рёбра сломаете!

Женщина издала короткий смешок и легонько шлёпнула её по ягодице, и Эстер пискнув подпрыгнула на месте.

— Не смеши меня. Девушке с твоей фигурой стыдно выходить к столу без приличного корсета. Что скажут твои будущие женихи? Увидят этакую распущенность — и поминай как звали.

— Корсет?! — Эстер дёрнулась, пытаясь ухватиться за край кушетки. — Я тут дышать не могу, а вы о женихах!

Женщина плавно обошла кушетку и встала прямо перед ней, наконец попав в фокус. Высоченная причёска с жемчужными шпильками, лицо — как размытое пятно за сеткой чёрной вуали, длинные пальцы унизаны перстнями с мутными гранатами.

— И ещё одно, моя дорогая, — голос дамы приобрёл металлические нотки. — Прекрати бегать за этим вихрастым мальчишкой. Не хватало ещё по глупости растерять разум и втрескаться по уши. Брак с ним — конец твоему пути.

— За каким ещё мальчишкой? — Эстер зашлась кашлем и почти взвыла. — Вы вообще о чём?!

— Выбор твой, прямо скажем, небогат, — дама картинно поджала губы, — но к счастью, твоя судьба не в этих любовных побасёнках. Тебе уготовано кое-что поважнее.

В висках стучало. Эстер сглотнула и прохрипела:

— Явно брежу. Или смотрю идиотскую историческую драму, от которой тошнит. Это шутка такая?

Дама в кружевах выпрямилась и прижала ладонь к груди.

— Дитя моё! — Всплеснула она руками. — Я твоя тётя Ариста! Неужели ты меня не признала? Я-то думала, память у тебя получше, а ты, видать, головой ударилась сильнее, чем я полагала.

Эстер молча моргала. Тётя? Какая, к чёрту, тётя? У неё вроде бы вообще нет никакой тёти. Или есть? Мозг отказывался соображать.

— Так вот, дорогая моя, — продолжала Ариста, прохаживаясь по комнате и разглаживая невидимые складки на юбке, — я прожила долгую и весьма поучительную жизнь и знаю точно: девице твоих лет полагается думать не о сердечных трепыханиях, а о правильной партии. Только союз, достойный нашего рода, принесёт пользу — тебе и всем нам. А вовсе не беготня за юнцами без титула и состояния.

Эстер медленно села, превозмогая хватку корсета, и обвела взглядом помещение. Тяжёлые бархатные портьеры цвета запёкшейся крови, мебель с резными вензелями, за стеклянными дверцами шкафа — фарфоровые пастушки. Со стен взирали масляные портреты: надменные старики и строгие дамы с одинаковым выражением вечного неодобрения. Воздух стоял плотный, словно в склепе, сладковатый от пыли и старого лака.

Эстер перевела взгляд на «тётю» и с трудом выдавила:

— Всё ясно. Либо я в коме, либо это чей-то очень дурной розыгрыш.

— Ты уже взрослая девица, Эстер, — наставительно произнесла Ариста, подавшись вперёд и сложив руки на коленях. — Лука — мужчина в полном расцвете сил. Понимаешь ли ты, о чём думают все эти молодые люди? У них на уме всегда только одно!

— О сладких булочках? — машинально съязвила Эстер, продолжая шарить глазами по углам в поисках хоть розетки с USB-портом, хоть мигающего индикатора роутера — любого признака, что электричество здесь водится.

— О беспутстве! — отрезала тётя, с треском ударив ладонями по подлокотникам кресла. — Ты слишком наивна!

Эстер скептически хмыкнула и принялась бесцельно слоняться по гостиной. Пальцы скользили по тиснёным корешкам фолиантов, по ледяной грани хрустального графина — она словно наощупь проверяла, не рассыплется ли этот музейный мираж в пыль.

— Прекрати метаться из угла в угол, как запертая птица! — шикнула Ариста, сверля её взглядом. — Присядь наконец и подумай о том, что ждёт тебя впереди!

Эстер уже набрала в грудь воздуха для едкой отповеди, но заметила, как вдруг переменилось лицо тётушки.

— Послушай меня, родная, — проговорила Ариста почти нежно. — Отзывай документы из Ордена и забудь о нём. Это гиблое дело. Такие, как ты, для них — добыча. Да, ты особенная, я знаю. Но они заманят тебя в тенета и погубят. Погубишь себя, понимаешь?

«Орден…» — в голове Эстер словно клацнул замок. — *«Значит, и здесь он существует. Раз тут замешан Орден — это уже след. Возможно, единственная зацепка».*

— Тётушка! — воскликнула она с внезапным приливом решимости. — Я должна уйти. Дело не терпит ни минуты промедления!

И, не дожидаясь ответа, рванула к выходу.

— Стоять! — взвизгнула Ариста, проворно вскакивая. — Не смей убегать, негодница!

— Меня ждут приятели! — выкрикнула Эстер на ходу и с силой захлопнула за собой дверь. Гулкое эхо прокатилось по комнате, и даже тяжёлая люстра из горного хрусталя отозвалась тихим, жалобным звоном.

Эстер прижалась спиной к стене, пытаясь отдышаться. Позади — ни звука погони. Осторожно потянув створку, она заглянула в широкую прихожую.

В тот же миг парадная дверь распахнулась настежь, впуская в полумрак поток медового света. На пороге вырисовался силуэт юноши. Эстер прищурилась и лишь через несколько секунд осознала, что перед ней Сенмут. Только на этот раз никаких джинсов и рубашек — его фигуру облегал изящный сюртук, на ногах высокие ботфорты, а на поясе висела сабля в тёмных ножнах.

— Эстер! — звонко расхохотался он, откинув голову. — Опять спасаешься бегством от тётушки? Гляди, не то она тебя изловит и все рёбра пересчитает — в назидание!

Эстер так и застыла, не веря собственному зрению.

— Сен… Сенмут?..

— Ослепла, что ли? — Он подбоченился с видом лихого гусара. — Или солнечный удар? Хватит каменеть, как изваяние! Кони там уже паркет копытами разносят, пока ты тут в немой сцене замерла.

— Лука! — громовым раскатом донеслось с лестницы, и в прихожую ворвалась тётушка Ариста, точно магма из треснувшего жерла. — Опять ты за своё, пустозвон! Не дам сбивать девчонку с пути! Она — украшение рода, а не соучастница твоих шалопайских выходок!

— Ну, кто бы ещё говорил о сбивании с пути, тётушка, — беззаботно парировал он и, не тратя времени на дальнейшие препирательства, рванул Эстер за запястье. — Бежим!

Они вылетели за порог, чудом не высадив створки ворот, — точно удирали от праведного гнева Аристы и её лекций о добродетели. Лука с гибкостью ярмарочного акробата взметнулся в седло гнедого. Жеребец вскинул голову и выдал звонкое ржание.

— Ну, долго ещё столбом будешь стоять? — выкрикнул Лука, сверкая улыбкой. — Передумала? Может, вернёшься в золочёную клетку с кружевными гардинами и бесконечной канителью о женихах?

Эстер глядела на него, словно на фантом из другого измерения. В висках застучало так, будто внутри черепа что-то перегревалось и вот-вот повалит пар.

— Ты… ты Лука?

— С пробуждением, красавица, — с лёгкой усмешкой протянул он, изогнув бровь. — Вот тебе и дружба с пеленок — и ты меня не признаёшь? Или память у тебя нынче, как дырявое решето?

Она, пыхтя, попыталась взобраться на вторую лошадь. И немедленно поняла: сейчас перед зрителями развернётся трагикомедия «Девица, которая впервые видит коня».

— Слушай, Сен… то есть Лука, — просипела Эстер, вцепившись в седло до белых костяшек. — Я вообще ничего не соображаю! Где я очутилась? Это какая-то параллельная реальность? Только что я была в Стамбуле! Мы с тобой и Сунан рубились с демонами на Султанахмет! Потом ещё на кофейной гуще гадали! Понимаешь? Демоны! Кофе!

Лука воззрился на неё так, словно она предложила немедленно облачиться в паяцкое трико и пойти жонглировать на площади.

— Эстер, тебя по голове стукнули? Или подменили ночью, пока все спали? Ты отдуваешься, как загнанный рысак, и при этом напрочь забыла, что верховая езда для тебя — всё равно что другим шнурки завязывать. Ты же любого парня в Альентаре за пояс заткнёшь, когда дело доходит до лошадей!

— Ой, да иди ты! — выдохнула Эстер, мёртвой хваткой вцепившись в седло и отчаянно балансируя. — Я вообще ни черта не понимаю, что здесь творится!

— Ну-ну, будет тебе, — Лука изобразил на лице вселенскую скорбь. — У меня на примете один потрясающий костоправ, у него даже банки с пиявками имеются. Мигом приведёт тебя в чувство.

— Ах ты ж... — Эстер размахнулась, целясь дать ему затрещину, но вместо этого потеряла равновесие и лишь чудом не сверзилась с лошади, в последний миг ухватившись за поводья.

— Во-от, — протянул Лука с тяжёлым вздохом. — Ты как фитиль у пороховой бочки: никогда не знаешь, в какой момент шарахнет, а мне потом всё это расхлёбывать.

— Лука! — она резко обернулась к нему, заправляя за ухо растрепавшиеся пряди. — Мне позарез нужно попасть в Орден! От этого, возможно... если начистоту, зависит судьба всего мира.

Парень на мгновение опешил — такой предельной серьёзности от неё он явно не ждал.

— Ладно, ладно, — он вскинул раскрытые ладони. — Нужен Орден — будет тебе Орден. Только, умоляю, сиди в седле ровно! Не хватало, чтобы ты грохнулась, а мне потом перед тётушкой Аристой отчитываться.

Кони сорвались в галоп, и пейзаж по бокам превратился в разноцветную ленту. Усадьба Аристы, вся в позолоте и пыльных портьерах, растаяла за спиной, будто лихорадочное наваждение.

— Можешь считать меня тронутой, думай что хочешь, — прокричала Эстер, сражаясь со встречным ветром, — но объясни: где я? Что это за место?!

— Ты меня всерьёз пугаешь, — отозвался Лука, наклоняясь ближе, чтобы перекрыть грохот копыт. — Мы в Альентаре! Где ж ещё? Там, где мы всю жизнь прожили!

У Эстер внутри всё оборвалось.

— Какой сейчас год?! — завопила она, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в желудок. — Год, Лука!

Он нахмурился, окинул её долгим изучающим взглядом и ответил:

— Тысяча восемьсот двадцать первый.

Тело стало ватным, и лишь чудом она не сползла с лошади.

— Не может быть... этого просто не может быть, — прошелестела Эстер упавшим голосом.

— Именно! — с жаром подхватил Лука. — Потому я и твержу: покажись лекарю! Или у тебя жар, или кто-то тебя крепко приложил по макушке!

— Даже думать забудь! — отрезала она. — Никаких лекарей! Веди меня в Орден — и точка!

Лука так закатил глаза, что зрачки едва не спрятались под веками.

— Всё, сдаюсь. Но учти, — он многозначительно воздел палец, — как только разберёмся с Орденом — сразу к костоправу. Хочешь ты или нет. Хоть на руках понесу, а понесу!

Эстер с трудом подавила глухое рычание — настолько самодовольной прозвучала эта угроза.

— Если ты сейчас же не заткнёшься, я тебя так разукрашу, что станешь икать всю оставшуюся жизнь! — глаза её полыхнули, пальцы сжались в кулаки.

— Полегче, дикая кошка, — лениво отклонился назад Лука, но ухмылка с губ никуда не делась. — А то опять с седла свалишься. Имей в виду: я пока не натренирован ловить с коня падающих красавиц.

Эстер зажмурилась и мысленно досчитала до трёх, борясь с желанием стукнуть Луку по плечу.

Лука… он походил на Сенмута до мурашек. Те же блестящие, задиристые глаза, та же резко очерченная челюсть, та же самодовольная ухмылка. Одеяние только и выдавало — место уличной небрежности занял лихой офицерский покрой прошлого столетия.

«Что за винегрет, — подумала Эстер, устало потерев переносицу. — *Не то исторические хроники, не то мистический балаган. И как это всё склеить? Кто вообще решил, что я гожусь на главную роль в этом сумасшедшем представлении?»*

Дорога тянулась долго. Чем дальше они отъезжали от усадьбы, тем больше пейзаж напоминал иллюстрацию к старинной легенде. Узкий тракт вился сквозь дремучий лес, вековые сосны перешёптывались над головой, а на горизонте, вспарывая облака, сверкали ледяные пики Карпат. Воздух здесь был настоян на хвое и сырой земле.

Наконец тропа упёрлась в высокий обрыв. Прямо из скального массива, будто вырастая из самой породы, поднималась твердыня. Орден. Он оказался точь-в-точь таким, как представляла себе Эстер, перелистывая пыльные манускрипты. Грозный и надменный, точно вырубленный из горного хребта. Серо-стальные стены уходили под самые небеса, узкие шпили прокалывали высь, а тёмные бойницы взирали на мир с ледяным, недреманным прищуром. Над исполинскими вратами горел герб: клинок, рассекающий чёрное солнце.

Сердце Эстер болезненно сжалось. Она вдруг почувствовала, что вернулась домой — в дом, от которого в её времени не осталось и камня. Крепость горделиво возносила башни, а она-то помнила, какая участь уготована этим стенам…

Эстер прикусила губу, глуша предательскую дрожь.

— Эй, ты как? — Лука склонился с седла, вглядываясь ей в лицо. — Опять зелёные человечки похитили и теперь силком кормят улитками в уксусе?

Она издала смешок, больше похожий на всхлип.

— Всё хорошо. Так, закружилась малость.

— Понятно, — протянул Лука, легко спрыгивая на землю и подавая ей руку. — Двигаем? Пока тётушка Ариста не нагрянула сюда с половником и речами о добродетели.

Эстер спустилась сама — вышло почти грациозно, если не считать момента, когда каблук зацепился за стремя и она клюнула носом вниз. Лука, разумеется, тут же подхватил её под руку.

— Вот и добрались, госпожа Катастрофа, — хмыкнул он. — Орден заждался.

Тяжёлые створки со скрежетом разошлись, и у Эстер перехватило дух. Перед ней распахнулся внутренний двор — живое сердце древней цитадели.

Каменные арки тонули в густом плюще, а в нишах замерли изваяния героев Альентара. Их мраморные взгляды, казалось, пронизывали насквозь, храня печать векового знания. Воины в отблесках солнца оттачивали клинки — сталь вспыхивала, разбрасывая огненные брызги. Поодаль чародеи в шитых мантиях склонялись над свитками: в пальцах светились белые жезлы, и строки сами вплетались в пергамент, словно послушные незримому дирижёру. В центре двора вздымался фонтан — Феникс, возрождающийся из пенных струй. Его водяные крылья переливались, и чудилось, будто весь воздух здесь гудит от вечной песни о гибели и воскресении.

Эстер застыла, не в силах шевельнуться. В жилах разлился жар наследной крови — она узнала это место. Свой дом. Свою судьбу.

Огромный зал за вратами обрушился на них величием. Под самым сводом, в вышине, цвёл витражный купол; его краски текли вниз и разбивались о мрамор пола сотнями дрожа-

щих солнечных пятен — будто кто-то рассыпал пригоршни самоцветов. Эстер закружилась на месте, силясь вобрать всё и сразу.

— Скажи честно, Лука, — выпалила она с загоревшимися глазами, — тебе ведь уже приходилось сюда заходить?

Он хмыкнул, привычно растягивая губы в ленивой усмешке:

— Нет, не приходилось. Мы же только конверты с печатями вскрыли, память отшибло?

— Ах да… — она звонко шлёпнула себя ладонью по лбу. — Совсем вылетело.

Переведя дыхание, Эстер выпрямилась и произнесла с холодной решимостью:

— Ладно. Придётся танцевать под дудку этого безумного дома.

Затем, понизив голос почти до шёпота, спросила:

— Но отчего тётушка так яростно открещивалась от Ордена? Здесь на каждом камне отпечаток мудрости и мощи. Никакой грязи, одно благородство. Откуда такая ненависть?

Лука потупился, уставившись на узор мраморных плит.

— Она им не верит, Эстер, — тихо ответил он. — Убеждена, что именно Орден виновен в смерти твоих родителей. Будто Старейшины отвернулись от них в самый чёрный час, когда поддержка была нужна позарез.

Что-то в груди у Эстер мучительно треснуло.

— Я их почти не помню… — прошелестела она, точно боялась, что слова порвут тишину. — Ты ведь знаешь куда больше, чем рассказываешь, Лука.

Он глубоко вздохнул и понизил голос до едва различимого рокота:

— У твоих отца и матери был дар — такой редкостный, что о нём боялись даже шептаться. Поговаривали о благословении древнего божества. Сила, о которой вслух не произносили ни слова. А потом — гибель, мгновенная, необъяснимая.

— И никаких зацепок?

— Ползли слухи… — Лука неопределённо шевельнул плечами. — Будто Орден сам направил на них тех, кто охотился за этой силой. Но что за тени стояли за спинами охотников — никто не ведает.

Эстер стиснула зубы до желваков. Внутри всё кричало, требовало распутать этот узел. Но договорить им не дал внезапный всплеск металлического блеска.

Из глубины коридора, печатая шаг, вышли стражники. Их нагрудники горели так, словно в броню закатали солнечные лучи. За воинами с торжественной неторопливостью выступали семеро Старейшин. А замыкали процессию трое в переливчатых мантиях — сам Триумвират; в их одеяниях жили и сплетались мрак и свет.

— Какая мощь… — прошептала Эстер, не в силах отвести взгляд от процессии. И вдруг её внимание выхватило из толпы одно-единственное лицо. Шелковистые волосы, в которых плясали цветные отблески витражей. Узкие, словно прорисованные тушью черты. Глаза — стылая лазурь. Сердце Эстер оборвалось и полетело в пропасть.

Зейн Синклер.

Самый, что ни на есть настоящий. Здесь, в самом сердце Альентара.

Он шагнул к ней, и косой луч, пробившийся сквозь стеклянную мозаику, скользнул по его губам, высветив ту самую полуулыбку — лёгкую, с привкусом иронии, невыносимо притягательную.

— Должен сознаться, я почти уверился, что мироздание иссякло на выдумки, — заговорил он, и его голос — низкий, обтекающий, точно тёплая смола — соединил в себе лёгкую издёвку и неподдельное оживление. — Но вы, мисс Розалес, обладаете удивительным даром превращать затишье в бурю.

Эстер поспешно облизала пересохшие губы, но язык опередил рассудок:

— Похоже, мой удел — вечно заставать вас врасплох, господин Синклер.

«И мысленно биться головой о стену за эту привычку молоть не думая», — прилетела следом запоздалая мысль.

Бровь Зейна чуть поползла вверх, а улыбка сделалась ещё выразительней. Лука, маячивший рядом, подобрался, точно перед прыжком, и в его позе проступило желание немедленно вклиниться между ними.

— Я, пожалуй, пойду, — неловко обронил он, пятясь. — Ежели что-то стрясётся — кликни.

С этими словами он нырнул в людской поток, явно не горя желанием присутствовать.

Зейн сократил расстояние ещё на один шаг. Тон его сделался приглушённым, в нём зазвучала почти суровая нота, хотя в зрачках по-прежнему тлел охотничий азарт.

— Очень сомневаюсь, мисс Розалес, что вы всего лишь ифрит и рядовая студентка феранор.

Эстер вздёрнула подбородок, не отводя глаз.

— А я очень сомневаюсь, господин Синклер, что вы — безобидный преподаватель истории.

Он тихо и низко рассмеялся.

— Ну как после этого не находить вас, мисс Розалес, до невозможности забавной?

Его взгляд бродил по её лицу, точно ощупывая, проникая под кожу, заглядывая в те уголки сознания, которые она сама предпочла бы оставить в тени. В каждом движении сквозила избыточная самоуверенность — и одновременно жгучее, неподдельное любопытство, какое испытывает коллекционер, обнаружив редкий экземпляр.

Под каменными сводами, где каждый звук умножался и звенел, Эстер вдруг почувствовала себя загнанной в угол — и в то же время странно возбуждённой этой близостью. Он стоял напротив: холодный, пронизывающий взгляд вступал в противоречие с тёплой, почти нежной усмешкой, игравшей на губах. Зейн качнулся к ней, и его голос скатился до низкого, обволакивающего полушёпота, в котором явственно звенела сталь:

— Довольно реверансов, мисс Розалес. Перейдём прямо к делу. Кто вы?

Эстер заставила себя не отвести глаза, вздёрнула подбородок и ответила тоном, в котором плескался вызов:

— А какие варианты рассматриваете вы, господин Синклер? — она позволила себе лёгкую усмешку. — Ещё час назад я могла поклясться, что я — самая обычная студентка. Но судьба, видимо, решила перекроить мою роль.

Он прищурился, и в уголках его губ затаилась довольная искра. Было очевидно: эта пикировка доставляет ему живейшее наслаждение.

— Знаете, моя дорогая, — протянул он, — когда нечто нарушает отлаженный ход вещей… когда оно плюёт на законы времени и пространства… оно немедленно становится моей излюбленной головоломкой. А я, признаться, обожаю разгадывать загадки. Особенно такие милые.

Щёки Эстер предательски запылали — то ли от этого вкрадчивого «милая», то ли от его тона. Но она вцепилась в свою решимость, как в спасательный трос:

— Но и вы, господин Синклер, — она тщательно, по слогам, выделила каждое слово, — выходите далеко за рамки обычных правил. Вы сами — аномалия. Может, это мне стоит за вами понаблюдать?

Он издал тихий смешок:

— Поосторожнее, мисс Розалес. Такие речи могут оставить ожоги.

— А вы, видимо, привыкли, что все вокруг только и делают, что замирают в немом обожании? — выпалила она.

Зейн склонил голову к плечу:

— Отнюдь. Я привык, что люди передо мной либо дрожат, либо лебезят.

Эстер уже вдохнула для ответа — но слова застряли в горле. Чужие пальцы внезапно и властно взяли её за подбородок, заставляя запрокинуть голову. Она утонула в его глазах — лазурных, бездонных омутах, которые, казалось, способны поглотить её без остатка.

Реальность лопнула без предупреждения. Желудок сжался в ком, сердце ухнуло в пятки, ноги отказали разом — и высокие своды Ордена, фигура Зейна, витражный свет — всё смялось в мутную рябь. Глухой удар — и сознание вернулось рывком, выбросив её на траву.

Эстер жадно хватанула воздух, пальцы вцепились в жёсткие стебли. Шум оглушал: людской гул, раскаты смеха, гортанные выкрики лоточников. Перед ней снова расстилалась площадь Султанахмет. В ноздри ударил сладковатый чад жареных каштанов, где-то звякали монеты, текли бесконечные споры о цене на специи. Никакого Зейна, никаких древних стен — обычный уличный водоворот.

Эстер судорожно заморгала, силясь вернуть дыхание в норму.

— Твою ж… — выдохнула она, заметив незнакомца в чёрном костюме возле фонтана. Мужчина оцепенел и пялился на неё с таким выражением, точно увидел вставшего покойника.

Она с трудом поднялась, отряхнула юбку и тут же хлопнула ладонью по бедру — хризалис на месте. Облегчение было коротким: стоило ей поймать взгляд того самого прохожего, как всё встало на свои места. Маскировка рассеялась. Мужчина продолжал сверлить её глазами, будто застукал за чем-то запретным.

— Чудесно, просто чудесно, — процедила Эстер сквозь зубы, отворачиваясь. — Ещё один свидетель моего личного цирка. Как будто мне заняться больше нечем, кроме как отбиваться от этих молчаливых соглядатаев.

***

Эстер замерла в молочном ряду, невидящим взглядом уставившись на батарею творожных десертов. Левая ладонь стиснула трубку, а правая машинально чертила невидимые узоры на запястье — верный признак того, что внутренняя паника вот-вот выплеснется наружу. Витринное стекло холодильника подсвечивало её бледное лицо, пока мозг отчаянно пытался вместить услышанное.

— Альентар, год тысяча восемьсот двадцать первый… — выдохнула она в динамик и почти рассмеялась от абсурдности. — Ты вообще представляешь, Су?

Из трубки вместо ответа донёсся раздражённый стон и звук хлопка по столу:

— Да запустись ты уже, ржавая бандура! — Сунан явно воевала не с подругой, а с собственным компьютером. — Ну почему техника двадцать первого века работает с такой допотопной скоростью?!

Эстер нервно хмыкнула, оценив талант Сунан превращать даже критический момент в комическую зарисовку.

— Слушай, это вообще за гранью воображения! Ты бы ни за что не догадалась! — она понизила голос, покосившись на тележку с покупками. — Мне же там запросто могла встретиться моя собственная прародительница! Или представь: очухиваюсь я в дурдоме с диагнозом «острое помешательство на исторической почве», и конец всем нашим приключениям!

— С твоим талантом проваливаться в самые дикие переделки я уже готова поверить даже в то, что ты умудрилась подраться с Наполеоном, — отозвалась Сунан. — Но имей совесть, марш домой! Не хватало только, чтобы тебя посреди супермаркета засосало в очередную временную дыру. И ты завтра же должна доложить Совету.

— Совету? Ни единого слова! Даже под дулом пистолета! — отрезала Эстер так резко, что стоявшая неподалёку старушка с неодобрением покосилась в её сторону.

— Это ещё что за новости? Что ты прячешь за пазухой?

Эстер перешла на стремительный шёпот, склонившись к самому микрофону:

— В общем, так. Местный Лука — или, если хочешь, тамошний Сенмут — проболтался: у родителей той, другой меня был совершенно безумный дар. И похоже, Орден слил их охот-

никам за этим даром, каким-то мутным личностям, представляешь? Прямо сценарий дешёвого боевика! А теперь подумай: что, если эта способность передалась мне по наследству? Вдруг я теперь могу скакать сквозь эпохи, как заяц по лужайке? О, Святые покровители, звучит так, будто я уже перегрелась!

На том конце воцарилась пауза, а затем Сунан подвела итог с мрачноватым торжеством:

— Мои поздравления. Ты только что официально стала аномалией на двух ногах. Ходячим парадоксом.

Рядом, у полки с молочной продукцией, накалялись страсти: девушка с яростью доказывала, что греческий йогурт – единственно достойный вариант, а её парень отстаивал персиковый так, словно от исхода спора зависело будущее планеты. Торговый зал гудел обычной суетой, и никто даже не косился на Эстер, застывшую у витрины с видом подпольщицы, разрабатывающей план побега.

– Эстер! Ты ещё там?! – гаркнула в трубке Сунан. – Бегом в общежитие, у меня уже нервный тик начинается!

– Да бегу я, бегу, – буркнула Эстер, сдёргивая упаковку клубничного йогурта и устремляясь к кассам. – Но про Совет – молчок. Иначе меня без вариантов упекут в палату для душевнобольных.

– «Перемещение во времени»... Так, сейчас вобью в поиск: «способности ифритов к темпоральным скачкам». Ну разумеется, ничего! С тебя сенсация, Эстер! Жди толпу журналистов, красные дорожки, вспышки, заголовки «Девушка из супермаркета покорила хронопоток».

– У тебя талант комедиографа, Су, – бросила Эстер, почти бегом огибая стойку с хлебом. – Совет объявит, что я переутомилась и фантастики на ночь объелась.

– Да пускай себе объявляют! – фыркнула Сунан. – Когда ты прямо в зале совещаний растворишься в воздухе, все их регламенты полетят в мусорную корзину.

– А вдруг не растворюсь? – Эстер перескочила дорогу на зелёный, уходя от столкновения с самокатчиком. – Может, то был разовый сбой, массовая галлюцинация одного человека… или, – она поморщилась, – просроченный йогурт.

– Ты же сама в это ни капли не веришь! Ладно, стоп, родилась мысль. Ищу по-новой: «Альентар, темпоральные аномалии, подпольная организация» – единым запросом.

Эстер невольно хмыкнула, но вдруг замерла – взгляд упёрся в витрину старинной книжной лавки. Доска с вывеской явно видала лучшие времена. Откуда она тут взялась? Раньше здесь был ремонт обуви.

– Ну и что выдала твоя всезнающая Сеть?

– Абсолютный ноль, – с театральным трагизмом протянула Сунан. – Блестящий результат для двух горе-сыщиц. Придётся вводить в бой тяжёлую артиллерию: у меня где-то валяется библиотечный читательский, полтора года им не пользовалась. Пора стряхнуть пыль.

– Вижу матёрого спеца, – усмехнулась Эстер. – Я уже у церкви Святого Антония, через минуту выйду на площадь. Может, мне мелом на брусчатке крест начертить? Маячок на случай, если опять исчезну.

– Кстати, шикарная идея! – тут же загорелась Сунан. – Самый настоящий лайфхак для хроно-туриста.

Эстер подавила смешок:

– Правда? Тогда закажем табличку: «Место дезинтеграции Эстер Розалес, две тысячи двадцать первый год. Фиалки поливать ежедневно».

В трубке послышался иной оттенок — уже не просто азарт, а привкус охотничьего чутья.

— Погоди-ка… А что наш уважаемый лектор забыл в том самом Альентаре? Тебе одной мерещится, что это попахивает дурно написанным сценарием?

Эстер состроила гримасу вселенского терпения и поправила с ледяной интонацией:

— Зейн. Синклер. Прошу зарубить на носу: Зейн Синклер.

— Принято! Немедленно копаю под него компромат! — оживилась Сунан. — Синклер… Слушай, как его фамилия пишется, ты знаешь?

— Понятия не имею. — Эстер мысленно возвела очи горе. — Ты у нас специалист по цифровым раскопкам, вот и разбирайся. И вообще, давай договоримся: если я растворюсь в воздухе — забери себе мой заварочный чайник. А если вдруг материализуется Синклер — задай ему прямой вопрос, в каком столетии он планирует изображать моего личного хранителя в следующий раз.

— С ума сойти! — прыснула Сунан. — А представь, он как раз у тебя за плечом стоит и читает этикетку на твоём кефире.

Эстер машинально обернулась. За спиной гомонила очередь к ларьку с выпечкой, ветер трепал край гигантского постера с рекламой какого-то приторно-розового десерта, и ни единого намека на загадочного но дьявольски привлекательного преподавателя. Даже как-то жаль.

— Тогда ему придётся для начала продегустировать мой йогурт на предмет скрытых темпоральных аномалий, — отозвалась она.

— Эсси! — взвизгнула трубка голосом Сунан так, что стоявший рядом парень с бумажным стаканчиком дёрнулся и облил себе пальцы кофе, а телефон едва не вылетел у Эстер из ладони, по траектории, грозившей прямиком угодить в спину пожилого господина с болонкой.

— Ты точно задалась целью лишить меня слуха? — проворчала Эстер, хотя уголки губ сами собой поползли в стороны.

— Он не фантом! — в голосе Сунан ликованием звенело каждое слово. — Слышишь? Я его нашла! Зейн Синклер — живой, настоящий, не иллюзия!

— Я как бы и не сомневалась. — Эстер остановилась у перехода, прислонилась плечом к фонарному столбу и шумно выдохнула. — Выкладывай, что нарыла, гроза поисковых систем.

Из трубки донёсся звук, похожий на торопливое перещёлкивание старых карточек библиотечного каталога — хотя Эстер прекрасно знала, что подруга просто лихорадочно скроллит мышью.

— Ага, слушай сюда! «Конноспортивная команда лицея Ла Либерте, Элиополис, в очередной раз сорвала главный приз». На снимке красуются: директор Баахир Абдельфаттах, тренер Абракс Дарвиш и капитан — Зейн Синклер… Да он, ко всему прочему, в седле сидит! Египтянин-наездник — вылитый фараон, сошедший с барельефа!

— Лицей Ла Либерте, конный спорт… Великолепно, — отозвалась Эстер, уворачиваясь от стайки подростков с гигантскими стаканами смузи. — Осталось выяснить, не практикует ли он верховую езду прямиком сквозь столетия.

— Тут есть одна деталь… — Сунан слегка замялась. — Этой заметке, между прочим, двенадцать лет.

Эстер перешагнула через свёрнутый коврик уличного торговца и хмыкнула:

— Если сейчас ему двадцать пять, то на том фото — шестнадцать. Вполне бьётся.

— Как ты вообще? — тон Сунан неуловимо переменился. — В глазах не плывёт? Готова поклясться, что не рухнешь без чувств где-нибудь у прилавка с пахлавой?

— Пока вертикальна, — сухо отрапортовала Эстер. — А если вдруг перейду в горизонталь — прохожие просто переступят, приняв за чей-то забытый багаж.

— Где ты территориально? — не унималась подруга.

— Территориально — всё на той же чёртовой Истикляль! — в голосе Эстер закипела саркастическая злость. — Ты вообразила, что я уже освоила мгновенную телепортацию между кварталами?

— Так, решено, — отрезала Сунан. — Я не успокоюсь, пока не удостоверюсь, что ты заперла за собой входную дверь. С этой минуты я твой личный небесный куратор — полный пакет: невидимые крылья, безлимитный мессенджер и круглосуточная горячая линия!

Эстер заправила за ухо выбившуюся прядь и мягко усмехнулась собственным мыслям.

— Су...

— Святые, что ещё стряслось? — мгновенно напряглась подруга.

— Да нет, ничего. Просто... я безмерно благодарна судьбе, что ты у меня есть. Ты — самая потрясающая подруга, о которой можно мечтать.

В динамике повисла короткая пауза, после чего Сунан сдавленно хмыкнула:

— Ой, вот только давай без этого, а? Я сейчас развоюсь и утоплю собственный ноутбук. Лучше слушай сюда: разработаем стратегию. Ты незаметно экспроприируешь пару сувениров из прошлого — исключительно для пополнения музейного фонда Ордена. А на ближайшей контрольной по истории заявишь: «Одну минуту, сейчас сгоняю в нужную эпоху, лично проверю, какой год отчеканен на монетах!»

Эстер рассмеялась, обходя стайку уличных музыкантов, и направилась к шпилю церкви Святого Антония:

— Без тебя я бы уже сто раз заплутала. Честное слово.

— А кстати, — с жаром подхватила Сунан, — пронос материальных ценностей сквозь временной барьер вообще законен? Или за это полагается санкция — скажем, принудительное изъятие селезёнки?

— Без малейшего понятия, — отозвалась Эстер. — Придётся разузнать при случае. Если, разумеется, меня ещё хоть раз куда-нибудь швырнёт. Я у церкви.

— О, ты почти у порога! — с облегчением констатировала Сунан. — Кстати, о нашем преподавателе: кроме того, что Синклер владеет банком и строительной корпорацией, больше ничего не откопалось.

— Я в курсе, — рассеянно ответила Эстер. — Это всем известно.

— Головушка пока не трещит? — с тревогой поинтересовалась подруга.

— Пока на плечах. Спасибо тебе, что не бросаешь меня в одиночестве, — тихо произнесла Эстер.

Сунан звучно прокашлялась и включила свой командирский энтузиазм на полную мощность:

— Слушай, я понимаю — жутко, муторно, колени дрожат. Но, честное слово, Эсси! Такое выпадает один раз за целую жизнь! Когда-нибудь усядешься в кресло-качалку, соберёшь вокруг внуков и выдашь такую сагу — у них глаза на лоб полезут!

— Да, рассказик получится эпический, — буркнула Эстер, уклоняясь от спешащего навстречу прохожего с огромным букетом.

Глава 3. Каждый из нас носит в себе и ад, и небо.

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.
У. Шекспир

В замке щёлкнул ключ, и Эстер, не медля, юркнула под одеяло. Мороз пробирал до самых костей, а следом за ним навалилась плотная, почти удушающая безысходность.

В сознании пульсировало только одно: придётся рассказать всё Совету. Можно было бы начать с Зейна — уж он-то хотя бы попробует обойтись без едких комментариев. Но вчерашняя фраза Су засела в памяти занозой.

«Действительно, моя фантазия всегда работала на ура», — пронеслось у неё в голове. — *«Сколько я себя помню, вечно плела невероятные истории, которым позавидовал бы многотомный роман. Коты-ораторы, порталы в параллельные вселенные — всё это было милой игрой воображения. Но убедить себя в том, что ты вдруг взяла и научилась прошивать время насквозь — это диагноз посерьёзнее. Тут пахнет не сказкой, а… больничной картой».*

— Обычно с такими откровениями прямая дорога в палату с мягкими стенами, — прошептала она в пустоту.

И криво улыбнулась сама себе:

— Ну и ладно. Многим помогает. Честь им и слава.

Опершись на локоть, она приподнялась и сдвинула брови:

— Может, меня ещё в студию пригласят? Сяду напротив ведущего и выдам: «Инопланетяне похитили, покопались в мозгу, имплант поставили». — Ирония вышла горькой. — Святые, да я же спятила.

Тишина в ответ сделала эти слова совсем уж нелепыми.

Клацнул выключатель — и комнату затопила абсолютная темнота. Мрак облепил тело, будто намокшая простыня, липкий и холодный. Озноб пробрал мгновенно. Эстер свернулась калачиком, закуталась в плед с головой, будто тканевая броня могла спасти не только от стужи, но и от вихря мыслей внутри.

Сердце грохотало, воздух застревал в груди. Она пыталась взвесить: что хуже — признать себя сумасшедшей или всерьёз поверить в скачки по эпохам? Ответ проступил ледяной отчётливостью:

Похоже, всё-таки второе. У безумия есть курс терапии.

Зажмурившись до искр, она прыснула:

— А куда нести заявление на хронопутешествия? К кому апеллировать? К братьям Винчестерам? — И тут же воображение нарисовало нелепый кадр: двое в поношенных куртках переступают порог, и Дин с усмешкой цедит: «Пакуй штанишки, Сэмми. Едем на охоту».

Темнота перестала быть просто отсутствием света — она набухла, обзавелась плотью. По стенам заплясали тени, вытягиваясь в зыбкие фигуры незваных гостей. Сердце кольнуло ледяное предчувствие: а ну как следующий прыжок выбросит её с такого обрыва, что костей не соберёшь? Дрожащими пальцами она снова врубила свет — яркая вспышка разодрала мрак в клочья. Отвернувшись лицом к стене, Эстер крепко запечатала веки.

«Не смей. Остановись немедленно».

Она судорожно цеплялась за любую мелочь: пыталась вообразить тёплый пушистый клубок, вспомнить вчерашнюю цену на бензин, прикинуть, не обещают ли к выходным дождя… Но мысленный улей не унимался — рой жалил изнутри, возвращая её всё к тому же.

Тогда Эстер заставила себя считать. Тысяча, девятьсот девяносто девять, девятьсот девяносто восемь… Цифры закапали мерно, обволакивая сознание тягучей дремотой. Где-то на девятистах пятидесяти шести она провалилась в сон.

Сновидение рассыпалось обрывочным бредом. Сперва явилась исполинская птица — глаза полыхали расплавленным золотом. Потом — учебные залы, где всё перевернулось с ног на голову: парты вздыбились ножками кверху, стулья парили сиденьями вниз. Птица ринулась вниз, истошно вскрикнула — и Эстер вырвало в явь.

Простыня прилипла к мокрой спине. Она села, хватая воздух ртом.

Оно вернулось.

Тошнотворное, выкручивающее нутро чувство — будто внутри заработала гигантская центрифуга. Паника захлестнула с головой, выбив остатки рассудка. Не помня себя, она скинула одеяло, вскочила и, не замечая ледяного пола босыми ступнями, метнулась к двери.

Ноги подкашивались, дыхание вылетало рваными всхлипами. Только бы добраться до комнаты Су. Только бы не остаться одной наедине с этим кошмаром. Плевать на растрёпанный вид, на безумные глаза — словно маленькая девочка, спасающаяся от ночного монстра, она бежала к Су. Потому что Эстер слишком отчётливо помнила: следующий «прыжок» может выбросить её в зловонную топь с трёхметровой высоты. И никаких тебе «загрузить сохранение».

Она вылетела в коридор — и тут же ощутила резкий удар в бок, точно незримая сила швырнула её к стене. «Всё, сейчас рухну!» — прострелила паническая мысль. Эстер инстинктивно зажмурилась, приготовившись к бездонному провалу. Но вместо разверзшейся пропасти под ногами оказался обычный дощатый пол. Она всего лишь неловко приземлилась на колени, едва успев выбросить перед собой руки.

Приоткрыв глаза, Эстер растерянно заморгала. Что-то вокруг неуловимо переменилось. Света было слишком много — он сочился из-под дверей, резкий, почти полуденный, хотя за окном, казалось, только-только занималось утро. Стены тоже выглядели чужими: вместо привычного бледно-коричневого — глубокий, тёмно-оливковый оттенок. А потолок и вовсе зиял пустотой — ни люстры, ни плафона.

Из комнаты Сенмута доносился оживлённый женский щебет. Эстер прижалась плечом к стене, обратившись в слух.

— Да сколько ж можно — ни свет ни заря на ногах! — проворчал первый голос. — Хоть бы лишний час дали поспать! Юстиниан себе до девяти в кровати нежится, а мы… Знала бы, осталась в деревне за скотиной ходить — от неё хоть толк какой-то!

— Юстиниан по ночам дежурит, — осадила вторая. — Нашла с кем равнять. И головной убор поправь — совсем набекрень съехал! Госпожа заметит — обеим влетит по первое число.

— Она и без того на меня смотрит… — задрожал голос другой.

— Эсма, бывают экономки куда свирепее нашей! — хмыкнула собеседница. — Давай-ка поторапливайся, опоздаем. Джерен уж точно внизу.

— И кровать свою, небось, уже застелила, — с завистью выдохнула Эсма. — Ну до чего всегда опрятная, хозяйкина любимица! Ты её одеяло когда-нибудь щупала? Мягкое, словно лебяжий пух!

Эстер закусила губу, чтобы не прыснуть — до того нелепой казалась эта беседа.

— Зато моё — чистая дерюга! — всхлипнула Эсма.

— Скажи спасибо, что оно вообще имеется, — отрезала вторая. — Всё, прекращай хныкать, пошли.

Эстер прижала ладонь к груди и попятилась. В голове молнией сверкнуло: *«Святые, сейчас они выйдут и увидят меня… в ночной пижаме с котятами…»*

Словно отвечая на невысказанный страх, дверная ручка медленно пошла вниз.

— Конец! — беззвучно ахнула она и метнулась к ближайшему шкафу. Дверца жалобно скрипнула, чья-то одежда мазнула по лицу, но Эстер уже втиснулась внутрь, затаив дыхание.

Сердце грохотало с такой силой, что, казалось, его биение разносится по всему дому.

Резко, с протяжным скрипом, дверь Сенмутовой комнаты отворилась, и две фигуры в длинных юбках выплыли в коридор. Ткань тихо шуршала при каждом шаге, кружевные чепцы подрагивали в такт движению. Их раздражённые голоса заметались по каменным стенам, дробясь эхом.

— Ну объясни мне, за какие грехи?! — кипятилась Эсма так, будто сама судьба ополчилась на неё. — Почему моё одеяло — колючий мешок, а Джерен укрыта, точно лепестками? Где тут высшая справедливость? И почему Пелин разъезжает с леди Монтегль по деревням, а мы сидим здесь, будто к полу приколоченные?!

— Эсмахан, — осадила её вторая так сухо, что у Эстер, затаившейся в шкафу, холодок пробежал по спине, — ты бы язык придержала да занялась чем велено. Кончай причитать, ясно?

Эстер мысленно закатила глаза.

«Ничего себе у них денёк начинается… Впрочем, мой тоже не из приятных — с кошмара стартовал. А у этих, похоже, с бесконечного нытья».

Когда шаги начали удаляться, она позволила себе бесшумный выдох.

«Ладно, Эстер, возьми себя в руки. Схема прежняя: замереть, не дышать, дождаться портала. Если, конечно, он вообще откроется. Иначе — добро пожаловать в местный участок, затем в лечебницу, плюс обвинение в краже кружевных чепцов», — пронеслось в голове.

Она уже приготовилась превратиться в статую, но вдруг прямо над ухом раздался сонный, хрипловатый мужской голос:

— О-ох… Кто тут галдит?

Эстер вздрогнула так, что едва не вышибла дверцу шкафа лбом, и наспех зажала себе рот, чтобы не заорать.

— Эсма? — промямлил голос, всё ещё плавающий в полудрёме. — Ты там поселиться решила? Опять затаилась? Какое сегодня число? И куда подевались мои тапки?

«Прекрасно. Шкаф-портал для особо одарённых. Место сбора всех городских безумцев», — мелькнула паническая мысль.

— Эсма! Дамла! — голос внезапно окреп, стал требовательнее. — Чего притихли? Кто здесь шляется? Что вам нужно?

В темноте зашуршала ткань, кто-то завозился. И вдруг — рывок! Чья-то ладонь цепко ухватила Эстер за плечо.

— Мама! — взвизгнула она, вышибая дверцу и вылетая наружу, точно пробка из бутылки шампанского.

— А ну стой! — грянуло за спиной. — Ловите воровку!

Эстер обернулась и чуть не поперхнулась от возмущения. Из шкафа выбирался молодой мужчина в длинной белой ночной сорочке, с всклокоченными медными волосами и перекошенным от ярости лицом.

— Моя ночная сорочка! Эта негодяйка её стащила! — громовой крик прокатился по всему дому, и следом загрохотали босые пятки. — Ловите воровку!

«Чего-о?! — взорвалось у Эстер в голове. — *Я спёрла его рубашку? Да на кой ляд она мне сдалась?!»*

Каждый изгиб лестницы она знала наизусть — каждый выщербленный край, каждый выкрошенный уголок камня. Сердце грохотало где-то в горле, пряди, выбившиеся из косы,

приклеивались к мокрому лбу, а из горла вырывался свистящий хрип. Она летела вниз, почти не касаясь ступеней, и лишь на долю мгновения взгляд зацепился за старинное полотно — Штаб Ордена на нём выглядел как обещание спасения. Так хотелось юркнуть в потайную дверь, спрятаться там, наконец-то выдохнуть… Но медлить было нельзя ни секунды.

На втором этаже она едва не впечаталась в юную служанку в кружевном чепце. Та взвизгнула и выронила кружку. Фарфор упал, разлетаясь на куски, молоко выплеснулось наружу и растеклось белоснежной лужей по каменным плитам. Сладковатый парной дух мгновенно пропитал коридор.

— Прости-и! — выкрикнула Эстер, не сбавляя хода.

«Спасибо, Вселенная, — пронеслась отчаянная молитва. — *Если мой преследователь сейчас грохнется на этом молоке, я за девчонку свечку поставлю. Обязательно. В первом же храме. И только за здравие».*

Не тратя ни мгновения на оглядку, Эстер рванула на себя рассохшуюся дверцу каморки под лестницей. Та взвизгнула так пронзительно, будто её резали. Девушка тут же нырнула внутрь, забилась в пыльный закуток и сжалась в комочек, точно перепуганный котёнок.

— Тише-тише, — зашептала она, унимая дрожь в пальцах. — Сидим как мышки, не дышим.

В нос ударила смесь запахов — затхлая сырость, старая древесина и едкий нафталин. По углам лениво колыхались пауки-толстяки, чьи пыльные сети украшали сушёные мушиные трупики. Вокруг громоздились ящики с изувеченными игрушками, осколки стульев и горы бесполезного барахла.

— Какая же тут помойка… — брезгливо скривилась Эстер, сдирая с плеча липкую прядь паутины.

Сквозь тонкие зазоры меж ступеней сочились полоски света, рисуя на полу призрачные линии. За дверью сначала послышалась стремительная поступь, а потом грянул шквал голосов.

— Я говорю, воровка! — громыхнул всё тот же баритон, ещё сиплый ото сна, но уже перекалённый гневом. — Видит бог, я её впервые в жизни вижу!

Вокруг зароптали тревожным шелестом:

— Воровка… ночью залезла…

— Точно стащила что-то…

— А если ведьма?..

— Ведьма?! — мужчина издал язвительный смешок. — Да у неё на роже прописано — шваль подзаборная!

У Эстер глаза от шока чуть на лоб не полезли.

В коридоре что-то оглушительно грохнуло — то ли кто-то поскользнулся в молочной луже, то ли запнулся о черепки кружки. Прислуга взвизгнула, а преследователь заревел пуще прежнего:

— Ищите её! Она тут, рядом! Нутром чую!

Его голос раздавался уже прямо над головой Эстер. Та вжала голову в плечи и сжалась в крохотный узелок.

«Всё, — мелькнула паническая мысль. — *Сейчас распахнут дверь и вытащат меня, как мышонка из банки. И тогда — конец».*

Но тут сквозь общий гвалт прорвался новый голос ровный, низкий, с едва уловимой насмешливой тенью.

— Быть может, милорд, перед тем как устраивать облаву на «злодейку», вы сперва позаботитесь о собственном облике? — произнёс незнакомец. — Смею уверить: мужчина в исподнем, мечущийся по дому, являет собой куда более диковинное зрелище, нежели незваная гостья, укрывшаяся под лестницей.

— Она к подвалу кинулась! — вклинился чей-то визгливый, распалённый голос, точно подливая масла в панический огонь. — Наверняка у неё там подельники! Целая разбойничья шайка орудует!

— Я тут ни при чём, миссис Бэтсон! — зачастила служанка дрожащим голосом. — Она на меня ураганом налетела! Кружка сама выскользнула… Полагаю… полагаю, она за господскими каменьями приходила! За теми, что ценнее королевской короны!

— Мне никто не попался по пути, — отчеканил ледяной женский голос. — Стало быть, она где-то здесь. Притаилась, как ночная тварь. Заприте все двери. Перетрясите каждый закуток!

— Юстиниан, соблаговолите прикрыть свои голые икры, — отчеканила мисс Бэтсон. — Ваше явление в исподнем перед всеми домочадцами — не лучший аккомпанемент к утреннему переполоху!

Эстер зажала рот ладонью, задавливая рвущийся наружу смешок. Ещё немного — и она бы расхохоталась в полный голос. Но веселье погасло так же быстро, как вспыхнуло. Эстер сидела, сжавшись до размера грецкого ореха, чувствуя себя загнанным зверьком, которому отрезали последний лаз.

И тут — омерзительное, щекотное прикосновение. Что-то мохнатое, неторопливо переставляя лапки, ползло по её запястью. Огромный паук — жирный, вальяжный — словно проводил ревизию нового предмета обстановки. Внутри всё взвыло дурным голосом: «Заори! Сбрось! Отшвырни эту тварь!» Но ледяной внутренний приказ пересилил: «Ни звука. Не смей даже дышать».

Эстер втянула воздух сквозь зубы.

«Какая гадость! Выживу — обязательно добьюсь, чтобы пауков объявили вне закона во всех измерениях разом».

Снаружи миссис Бэтсон раздавала команды, словно генерал перед решающей атакой:

— Дункан, мистер Брэдли, Хасан — обшарьте первый этаж и подвал! Джерен со мной — берём второй. Эсма — перекрываешь запасной выход. Дамла — главный. Ни одна тень не должна проскользнуть мимо!

— А если она в кухню метнётся? — вклинился молодой, дрожащий от напряжения голос.

— Тогда ей предстоит личное знакомство с миссис Шанталь и её коллекцией чугунных сковородок, — холодно отозвалась Бэтсон. — Уверяю, ничего страшнее с ней сегодня уже не случится.

Эстер передёрнуло — она слишком живо представила себе эту встречу.

— Проверьте все щели! — продолжала экономка. — За шторы, под кровати, в каждую пыльную нору! Ни один дюйм не должен остаться неосмотренным!

В груди у Эстер сжался ледяной ком.

Она опустила взгляд на себя: пижама в пыли, волосы колтуном, колени в грязи, а по руке всё ещё шествует мохнатый инспектор.

«Превосходно. Вылитая пациентка, сбежавшая из палаты для буйных. Сижу в мусорной яме в компании насекомых и… что за кошмар?!»

Её взгляд упёрся в жуткую игрушку — выпотрошенного кролика с мутными стекляшками вместо глаз и клочьями ваты, торчащими из распоротого брюха. Эстер шарахнулась, едва не задев ящики.

Зажмурившись, она беззвучно закричала:

«И всё из-за Луки! Просто взял и промазал! Серьёзно?! Вот так и рушатся судьбы — из-за чужого промаха!»

В глазах защипало — смесь бессильной ярости и отчаяния. Она мазнула рукавом по лицу, но лишь размазала грязь.

«А вдруг, — крохотная искра надежды затеплилась внутри, — *вдруг они увидят меня, такую жалкую, и решат: «Бедняжка, просто заплутала»? И отпустят…»*

В темноте выпотрошенный кролик таращился стеклянным взглядом, будто нашёптывая: *«Ну что, готова к свиданию со сковородой промеж глаз?»*

Снаружи гомон перерос в сплошной гул — топот ног, резкие окрики, испуганное перешёптывание прислуги. Взбаламученная пыль, годами копившаяся в щелях, теперь мстила за вторжение: набивалась в ноздри, хрустела на зубах, царапала горло. И вдруг — до дрожи знакомый спазм стиснул живот, тот самый, от которого в обычный миг хотелось бы завопить. Но теперь Эстер едва сдержала всхлип облегчения. Тело дёрнулось, закружилось, ухнуло в невесомость — а это означало только одно: время снова совершило рывок. Потрошёный кролик пропал. Тьма сгустилась вплотную, и в могильной тишине страх облепил её ледяной простынёй.

— Тихо, — выдохнула она, глотая спёртый, пыльный воздух. — Не раскисать. Держи голову.

Хотя причин для паники набралось выше крыши.

Кое-как выкарабкавшись из-под рассохшегося комода — тот скрипел так, будто жаловался на дряхлые кости, — она едва не опрокинула лампу. Та отозвалась жалобным лязгом, рухнув на пол. Эстер замерла, слушая, как сердце грохочет, точно кузнечный молот, и этот стук, казалось, слышен в каждом углу особняка. Бесшумно она выбралась из чулана. Коридор утопал в чернильном мраке, но постепенно взгляд выхватил знакомые очертания: витые перила, тяжёлые рамы окон, хрустальные подвески люстр, ловящие тусклые отсветы. И тут — фигура. Высокая, прямая. Мужчина шагал прямо к ней.

— И каким ветром вас сюда занесло, мисс?

Луч фонаря резанул по глазам, заставив зажмуриться. Она прикрыла лицо ладонью, но сомнений не оставалось: этот тембр она узнала бы из тысячи.

Зейн. Разумеется, Зейн.

— Я… ну, как сказать… — язык заплетался. — А вы… что забыли в такой час, господин Синклер? Бессонница замучила?

Он едва заметно наклонил голову, и даже сквозь режущий глаза свет фонаря она уловила, как по его губам скользнула усмешка.

— Весь штаб стоит на ушах. Весьма… колоритные звуки доносились из коридора, — проговорил он, медленно скользя взглядом по её всклокоченным волосам, перепачканным щекам и грязным коленям. — Решил выяснить, не забрёл ли к нам бродячий театр.

Он приблизился ещё на шаг, и Эстер вдруг до дрожи остро осознала, до чего нелепо выглядит — хуже завсегдатая придорожной канавы. Она торопливо провела ладонями по лицу, но лишь размазала грязь.

— Мисс Розалес, — протянул Зейн, чуть изогнув бровь, — вынужден признать, ваше появление... впечатляет. Паутина вам к лицу. Особенно та, что запуталась в волосах — очень освежает.

— Бесконечно польщена, — выдавила Эстер, слыша, как собственный голос сочится ядом, и мысленно поморщилась: *«Боги, да я шиплю, как раздражённая кошка. Первое впечатление — выше всяких похвал».*

Зейн издал тихий смешок, в тусклом свете блеснули зубы.

— До первых лучей ещё пара часов, — заметил он, и его взгляд ненадолго задержался на её босых ступнях. — Я бы посоветовал провести остаток ночи в горизонтальном положении. Тёплая постель, одеяло, подушка — куда приятнее, чем... — он небрежно кивнул на дверь чулана, — …в обществе препарированных игрушек и паучьих выводков..

— Я совершенно не собиралась... — забормотала она, пытаясь хоть как-то оправдаться, но Зейн мягко перебил:

— А завтра, — его голос упал до вкрадчивого шёпота, — мы побеседуем. Предметно. Во всех деталях.

Эстер нервно сглотнула, судорожно цепляясь за остатки самообладания.

— Доброй ночи, господин Синклер, — бросила она и торопливо ретировалась, уже понимая: рассвет принесёт самое трудное — беседу с искусителем, затянутым в безупречно соблазнительную оболочку.

***

Свежий воздух внутреннего двора ударил в лицо, словно поток ледяной воды после душного плена аудиторий. Сунан покосилась на подругу и присвистнула, качая головой:

— Слушай, ты выглядишь так, будто всю ночь в одиночку разгружала товарный состав. Честное слово.

— Разгружала бы вагоны — уже бы выспалась, — Эстер поморщилась, щурясь от яркого солнца. — Нет, Су, это было нечто гораздо более утомительное. Мрак, а не ночь.

Сунан фыркнула. Схватив подругу за локоть, она развернула её к себе и с преувеличенным вниманием вгляделась в лицо:

— А знаешь что? Эта твоя помятость даже добавляет тебе драматизма. Серьёзно. Глаза как два изумруда, случайно обнаруженных в груде антикварного хлама. Уставшие, но чертовски дорогие.

Эстер прыснула от смеха. Удивительно, но это дурашливое замечание и впрямь на миг приглушило свинцовую усталость.

Они рухнули на скамью под разлапистым каштаном, где тень крошила солнечный свет на причудливые узоры. Местечко казалось тихой гаванью — если бы не одно «но». Буквально в двух шагах устроилась Айсун Мендерес со своими вечными спутницами, и их пронзительный щебет невозможно было игнорировать. Девицы, явно не заботясь о тишине, наперебой перемывали косточки «главному светилу» — Зейну. Эстер внутренне сжалась, молясь, чтобы волна чужого любопытства не захлестнула и её.

— Так! — Сунан внезапно хлопнула ладонью по колену подруги, заставляя ту встрепенуться. — Хватит прятаться за этим деревом и моими дурацкими комплиментами. Ты должна вытащить свою историю Совету. Рассказать всё, без утайки.

— Если я правильно считала, это твоя сотая попытка до меня достучаться, — вяло отозвалась Эстер, глядя куда-то сквозь кружево листвы.

— А если понадобится — будет и двухсотая! — отчеканила Сунан, подаваясь вперёд. — Пойми же ты наконец, твоё молчание может обернуться тебе же во вред. Не смей больше замыкаться.

Эстер стиснула зубы и выдохнула почти беззвучно:

— Я продолжала убеждать себя, что всё это — нелепое стечение обстоятельств.

— Стечение обстоятельств? — Сунан взвилась со скамьи так резко, что девицы неподалёку на миг отвлеклись от своих перешёптываний и уставились на них. — А твой ночной провал? Ты исчезла — и могла вынырнуть где угодно! В кандалах инквизиции, посреди стаи пещерных гиен, в ледяной пустоши — в любой дыре!

— В ледяной пустоши?.. — Эстер прыснула, торопливо зажав рот ладонью. — Су, я не аппарат для путешествий во времени, честное слово.

— А я откуда знаю? — отрезала подруга и вдруг с торжественным видом развернула на коленях пухлую папку. — Кстати! — Она выхватила стопку испещрённых пометками листов и сунула Эстер под нос. — Я тебе целый атлас составила. Гляди: марки машин с годами, как менялась одежда по десятилетиям, главные катастрофы и открытия. Чтобы, если тебя опять… кхм… куда-то выбросит, ты могла сориентироваться по эпохе.

Эстер покачала головой, но в её глазах зажглась тёплая искра.

— Ты невозможна… и слегка безумна, Су.

— Две грани одного дара, — Сунан беззаботно махнула рукой. — Вот, допустим, — она подцепила лист с кривыми записями. — Империя османов. Ты ведь помнишь только Сулеймана, да? А попадёшь на два века позже — и наткнёшься на толпу ревнителей, которые с ходу объявят тебя ведьмой.

— Мурашки по коже, — пробормотала Эстер, невольно обхватив колени руками.

— То-то и оно, — вздохнула Сунан. — Я-то раньше представляла былое как бесконечные балы, рыцарей в сияющих латах и босоногих шотландцев в клетчатых юбках… — она мечтательно закатила глаза. — Даже подумывала, как вырву Анну Болейн из когтей этого монстра Генриха!

— Стоп… — Эстер нахмурилась. — Это та, которой потом снесли голову?

Сунан трагически кивнула.

— Прекрасный сценарий, — сдавленно усмехнулась Эстер. — Если меня ждёт нечто подобное, я, пожалуй, прямо сейчас добровольно вернусь в тот чулан к паукам.

— Эстер, — Сунан мягко, но стальной хваткой взяла её за пальцы и требовательно заглянула в лицо, — пообещай, что уже сегодня заговоришь с господином Зейном. Раз ты с упрямством осла избегаешь Совета.

— Обещаю, Су, честное слово, — устало сдалась Эстер, прекрасно осознавая: отступать больше некуда. — Сегодня же к нему подойду.

Едва напряжение отпустило плечи и Эстер позволила себе короткий выдох, как из-за могучего ствола каштана выскользнула Айсун Мендерес.

— А куда запропастился ваш ненаглядный Сенмут? — заворковала она, растягивая гласные. — Я так мечтала перехватить у него пару искромётных идей для сегодняшнего задания… исключительно для творческого заряда, разумеется.

Эстер поморщилась про себя, но вслух лишь сухо обронила:

— Сенмуту сегодня не по себе, уж простите.

— О, какая жалость! — Айсун картинно приложила ладонь к груди и наклонила голову набок. — Может быть, мне навестить бедняжку, захватить ему сладостей или целебного отвара?

Эстер заколебалась, не зная, как выпутаться, но тут Сунан с отвагой бросилась наперерез:

— У него желудок взбунтовался по-страшному! Третий час сидит в отхожем месте как пришитый.

— Фи! — Айсун брезгливо отдёрнулась. — Сунан, ты совсем не следишь за языком! Девица, а выражаешься, простите Святые, хуже портового грузчика.

Эстер прикусила щёку изнутри, чтобы не расхохотаться в голос.

— Тогда, может, покажете хотя бы ваши наброски? — Айсун снова вскинула подбородок и сложила руки на груди. — Одним глазком, ради чистого вдохновения.

— Мы ещё возимся в черновиках, — мягко уклонилась Эстер. — До законченного вида пока далеко.

Секунда — и будто из воздуха с обратной стороны каштана вынырнул Эврен Озал. Его лицо светилось энтузиазмом, а в руках он сжимал внушительную тетрадь.

— Вот! — провозгласил он, простирая её перед девушками. — Можете лицезреть мою работу. Честно содрал всё из интернета. Ни единого проблеска самостоятельной мысли — зато какая подборка фактов!

Айсун скривилась, точно раскусила лимонную дольку.

— Спасибо, тогда уж я напрямую в википедию загляну. Там хоть рекламы меньше.

Эстер перехватила красноречивый взгляд Сунан. Обе понимали: этот день явно не собирался выдавать передышку.

Тишину вспорол резкий, вибрирующий сигнал.

— Полтора часа этого кромешного ужаса! — взвыл Эврен, зажмурившись. — Инквизиторы нервно курят в сторонке по сравнению с этим предметом!

— Закрой рот, Эврен, — бросила Айсун, поправляя волосок у виска движением, полным ледяного пренебрежения.

— А что такого? — тот и не думал униматься. — Сама же несёшься туда, будто тебя принц заждался. «О, господин Зейн…» — он сложил ладони лодочкой и захлопал ресницами. — «Явитесь же, спасите бедняжку, благородный сэр!»

Айсун обожгла его взглядом, способным заморозить целое озеро.

— Заткнись, я сказала.

Но Эврен лишь развёл руками.

— Да ладно, я же просто гадаю, чем он всех тут приворожил. Милое личико и острый ум? В любом случае — стопроцентный гей.

— Да что ты несёшь! — взвилась Айсун. — Просто бесишься, что в подмётки ему не годишься. У Зейна всё при нём: обаяние, ум, безукоризненный вкус. А ты со своим юмором… порой даже не поймёшь, смеяться или морщиться.

— Конечно-конечно, — не унимался Эврен, многозначительно понижая голос. — Этот весь из себя лощёный, ни складочки лишней. Прям кричит о себе!

Эстер закатила глаза, поднимаясь со скамьи. *«Сейчас он её до самого верха своей конспирологией замучает. Ни одной паузы — сплошной словесный пулемёт».*

Сунан, не скрывая досады, дёрнула её за локоть:

— Уходим. Сколько можно пережёвывать одно и то же?

Эстер шумно выдохнула, прогоняя мандраж.

— Идём к нашему сиятельному преподавателю!

На лестнице между этажами их снова накрыло эхо уже знакомого спора: Айсун и Эврен, точно одержимые, продолжали препарировать господина Синклера. Словно никакого занятия и не намечалось.

— Да взгляни хотя бы на его побрякушки! — вещал Эврен. — Все эти перстни да колечки… Уж поверь, если мужик такое носит — диагноз ясен.

Эстер сжала губы. *«Угу, эксперт по ювелирке и тайным наклонностям нарисовался».*

Но собственный язык подвёл её раньше, чем она успела подумать:

— Мой дед тоже любил перстни… и вообще украшения.

— Ну, стало быть, и дед твой был с секретом, — отрезал Эврен, даже не обернувшись. — Поздравляю с открытием!

Эстер почувствовала, как к щекам прилила кровь от злости. *«Чудно. Кто меня вообще просил рот открывать?!»*

Эврен даже бровью не повёл — наоборот, состроил кислую физиономию.

— Завидую? — переспросил он с театральным ужасом. — Этому ходячему ювелирному магазину с бицепсами? Вот уж увольте.

Айсун всплеснула руками с такой страстью, точно обращалась к небесным силам.

— Да потому что господин Синклер — абсолютный идеал! В нём воплотилось всё: безупречная мужественность, острейший ум, сногсшибательная внешность и талант, которого ты в жизни не нюхал. Словом, венец творения, а не мужчина!

Эстер внутренне съёжилась. *«Ну всё, сейчас начнётся ода в трёх томах. Святой Зейн, молись за нас».*

— Ты, Эврен, на его фоне — жалкая карикатура, — не унималась Айсун. — Уверена, когда ему лень вытирать пыль, он просто протирает пол твоей физиономией.

— Весьма признателен за столь лестный отзыв.

Все четверо синхронно обернулись.

Перед ними стоял господин Синклер собственной персоной — с кипой документов, невозмутимый, и лишь в уголках глаз притаилась лукавая искорка.

Эстер почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Айсун покрылась пунцовыми пятнами и принялась судорожно хватать ртом воздух. Эврен закаменел лицом, но предательская жилка на веке пустилась в пляс. Синклер, словно не замечая этой немой сцены, склонил голову набок и с едва уловимой усмешкой уточнил:

— Стало быть, я удостоился титула «венец творения»? Весьма смелое заявление, мисс Мендерес. Вы, часом, не подрабатываете сочинением панегириков?

Айсун издала звук, напоминающий сдавленный писк:

— Нет, я… это вырвалось… в смысле…

Зейн перевел взгляд на Эврена:

— Мистер Озал, вы, оказывается, знаток ювелирного искусства? Или ваш профиль — досужие домыслы о преподавателях? Если второе, настоятельно рекомендую переключиться на учебник. Там, по крайней мере, вопросы не расходятся с ответами.

Эврен судорожно глотнул воздух и выдавил дрожащим голосом:

— Я просто… выдвинул предположение…

— Научную гипотезу! — подхватил Синклер с обманчиво ласковым кивком. — Тогда займёмся экспериментальной проверкой. Например, подвергнем испытанию тезис: «Мистер Озал способен высидеть пару, не проронив ни единого звука».

Сунан не сдержала короткого смешка, а Эстер до боли закусила губу, чувствуя, как её буравит испепеляющий взор Айсун.

Выдержав многозначительную паузу, Зейн неторопливо одёрнул рукав и добавил с тонкой иронией:

— И раз уж речь зашла о дисциплине: лекция началась пять минут назад. Буду безмерно рад, если вы соизволите присоединиться.

Эстер с облегчением перевела дыхание.

— Подруга, это было великолепно! — Сунан вскинула большой палец и грянула таким раскатистым хохотом, что коридор наполнился звенящим эхом.

Лицо Айсун залилось краской — казалось, ещё мгновение, и она вспыхнет настоящим пламенем. Она изо всех сил пыталась удержать маску невозмутимости, но подрагивающие губы и взметнувшиеся вверх брови безжалостно выдавали её смятение.

Эстер, судорожно зажав рот ладонью, боролась с истерическим смехом. Плечи ходили ходуном, и всё, на чём она могла сосредоточиться — это безмолвная мольба: *«Пожалуйста, только не сейчас, только не заржать!»*

— А вам, уважаемый Эврен, — продолжил Синклер с той же обманчиво-мягкой интонацией, — я бы настоятельно рекомендовал расширить кругозор. Окунитесь, к примеру, в историю перстней и их прославленных обладателей. Основательно окунитесь.

Взгляд преподавателя впился в Эврена, и парень невольно поёжился.

— К концу недели, — всё так же спокойно добавил Зейн, — я жду от вас эссе. Пять страниц. Хочется в полной мере оценить масштаб вашей… эрудиции.

Если бы люди могли светиться от стыда, Эврен сейчас осветил бы весь коридор. Его щёки налились таким густым багрянцем, что почти сравнялись по цвету с воротником рубашки. Он сглотнул и, едва справляясь с голосом, выдавил:

— А… по литературе писать, господин Синклер? Или, может, по истории?

Зейн позволил себе лишь едва заметный изгиб губ.

— Исторический аспект этой… скажем так, деликатной темы, несомненно, представил бы интерес. Но сковывать твою творческую жилку я не стану. Выбирай ту область, что тебе ближе. Прояви самостоятельность, Эврен, — последние слова он бросил с почти неуловимой издёвкой.

Айсун же выглядела так, будто её вот-вот хватит удар — лицо перекосило, а пальцы мелко задрожали.

— Итак, пять страниц. Срок — понедельник, — подвёл черту Синклер, уже берясь за дверную ручку аудитории. Его улыбка сделалась почти ослепительной. — С нетерпением жду твой литературный шедевр.

Синклер отступил на шаг и плавным движением руки указал на дверь аудитории.

— Прошу, мистер Озал. Не смею задерживать.

— Только после вас, господин Синклер, — выдавил Эврен, по-прежнему изучая узор напольной плитки с таким усердием, будто там были высечены ответы на все вопросы мироздания.

Сунан легонько ткнула его кулаком в бок и прошептала:

— Брось терзаться. У каждого свои взгляды, подумаешь.

Эврен лишь дёрнул плечом, не поднимая глаз.

Айсун, всё ещё мелко подрагивая, вцепилась в локоть Эстер и зашептала ей в самое ухо:

— Умоляю, подтверди, что мне это приснилось. Что ничего не было…

— Тебе приснилось, Айсун, — послушно отозвалась Эстер. — Обычный ночной кошмар. И уж точно господин Синклер ни сном ни духом не ведает, что ты провозгласила его венцом творения.

Из груди Айсун вырвался звук, напоминающий вой раненого зверя. Она рухнула на ближайший стул и спрятала пылающее лицо в ладонях.

— Пусть небеса разверзнутся и исторгнут меня из этого бренного мира! — простонала она с таким надрывом, что Эстер на мгновение представила себе театральную машину, спускающую актрису в люк под сценой.

Эстер опустилась рядом с Сунан и покосилась на Айсун. Даже сквозь растопыренные пальцы просвечивал багрянец, захвативший лицо, шею и, кажется, даже мочки ушей.

— Выглядит так, словно её окунули в чан с кипятком, — пробормотала Эстер.

— Этот оттенок стоит запатентовать, — с деловитой серьёзностью подхватила Сунан. — Представь картину: выпускной, фанфары, вручение дипломов, и к микрофону выходит Айсун — вся алая, точно праздничный стяг на ветру.

Эстер прищурилась, угадывая в голосе Сунан не участие, а откровенный азарт.

— Как думаешь, может, он ей теперь пару баллов накинет? — прошептала она. — Из жалости, чтобы скрасить всё это фиаско.

Сунан прыснула:

— Ага, или, наоборот, станет при каждом удобном случае воскрешать ту цитату. У Синклера воображение — что надо, он умеет растягивать удовольствие.

Эстер скользнула взглядом к преподавателю. Тот замер у стола, сцепив пальцы за спиной, и внимательно разглядывал пустующее кресло Сенмута. Молчание густело с каждой секундой, становилось почти удушливым.

В горле у Эстер запершило.

— Он заболел, господин Синклер! — громче, чем хотелось, объявила она.

— С желудком у него беда! — вдруг добавила Айсун голосом, полным отчаянной решимости. Похоже, она рассудила: тонуть — так с музыкой.

По аудитории прокатилась приглушённая волна смешков.

— Всё в полном порядке, — бесстрастно отозвался Синклер. — Ему потребуется ещё пара дней, пока всё не… устоится.

Последнее слово он обронил с лёгким нажимом, и в воздухе вновь повисла звонкая тишина.

Резко развернувшись, Синклер схватил мелок и одним широким движением начертил на доске: «ЛЕГИОН».

— Кто-нибудь просветит аудиторию, сколько именно божеств насчитывает Легион? — осведомился он ровным тоном.

Эстер склонилась к уху Сунан и едва слышно выдохнула:

— Что значит «устоится»? Прозвучало так, будто он не про желудок вовсе, а про проклятие какое-то.

Сунан растянула губы в ироничной усмешке:

— Обычной диареей Синклер не интересуется, это точно. Слишком мелко для него.

Эстер прикрыла веки и шумно выдохнула:

— Умоляю, Су, не заводись. Я и так держусь на последней ниточке.

Но подругу уже было не остановить — глаза её лихорадочно заблестели.

— Ты вообще рассматривала его кольца? — зашептала она, подавшись вперёд. — На одном — лунный диск, перекрытый тенью, а меча нет. На втором — семь знаков по кругу, и камень тёмно-коричневый, энстатит. Ты хоть понимаешь, что это означает?!

Эстер непонимающе заморгала:

— Я обратила внимание только на то, что у него изящные пальцы. Прости, на остальное меня не хватило.

— Ты серьёзно?! — прошипела Сунан, едва сдерживая гнев. — Это же шифр, а не побрякушки!

— Су, — Эстер устало потёрла переносицу. — Может, он просто питает слабость к красивым вещам? У тебя — фантики, у него — перстни. У каждого свой пунктик, никакой магии.

Сунан впилась в неё взглядом, в котором смешались жалость и досада:

— Ты правда настолько слепа? Или не хочешь замечать, что пахнет здесь совсем другим?

— Не хочу! — отрезала Эстер почти со злостью. — У меня реферат горит, между прочим. Мне бы по истории успеть, а не разгадывать ребусы на пальцах нашего обворожительного преподавателя!

Лицо Сунан исказилось — словно ей влепили пощёчину, но она сдержалась. Губы сжались в нитку, а затем она произнесла медленно, почти по слогам:

— Ты в упор не видишь подсказок, Эстер? Семь. СЕМЬ. Как…!

Голос её сорвался, когда она заметила, как с лица подруги вмиг исчезли все краски.

— Боги милосердные… — прошептала Эстер. Внутри всё стянуло ледяным жгутом, а к горлу подступила тошнота.

— Только не здесь! Ради всего святого, держись! — зашипела Сунан, с ужасом глядя на неё.

Эстер покачнулась, едва не рухнув обратно на стул. Собрав в кулак остатки сил, она выпрямилась и, прижимая ладонь к взбунтовавшемуся животу, неверной походкой двинулась к двери.

— Господин Синклер… прошу меня извинить… мне дурно, — голос прерывался, воздуха катастрофически не хватало. — Меня сейчас…

Она не договорила и рванула наружу, в дверях едва не опрокинув какую-то первокурсницу. Зейн на секунду застыл, затем бросил бумаги на стол и стремительно вышел следом.

— Эстер, постой! Вернись! — его окрик доносился словно сквозь плотную воду, с каждым звуком удаляясь.

Реальность поплыла. Черты Синклера подёрнулись рябью, будто отражение в потревоженной воде, и растаяли.

Она осталась одна.

Перед ней простирался просторный коридор, залитый тёплым медовым сиянием. Стены, затянутые тёмно-бордовым бархатом, украшал вычурный растительный орнамент. Пол блестел так, что в него страшно было ступить. В тяжёлых канделябрах дрожали язычки пламени, хрустальные подвески люстр играли радужными бликами. За стрельчатыми окнами лежала густая,

словно смола, ночная мгла. Откуда-то снизу плыли приглушённые звуки бала: переливы скрипок, взрывы хохота, хрустальный перезвон.

Эстер привалилась спиной к стене, отчаянно надеясь, что комната перестанет вращаться. Но тишина лопнула с резким хлопком — воздух пронзил золотой вихрь, взметнув её волосы, — и прямо перед ней, в облаке мерцающих искр, материализовался Зейн.

— Эстер? — он шагнул к ней с несвойственной ему поспешностью. Его пальцы осторожно отвели с её лица прилипшие ко лбу пряди.

«Ничего себе… — мелькнуло в голове. — Наш ледяной господин обычно шарахается, если я дышу в его сторону. А тут прямо сеанс нежности».

— Ты в порядке?

Она слабо кивнула, но внутри всё дрожало. Впервые он застал её такой — растрёпанной, загнанной. Впрочем, долго разглядывать друг друга им не дали: снизу донёсся гулкий топот нескольких пар ног.

— Проклятье, — процедил Зейн.

Он перехватил её запястье железной хваткой и, не говоря ни слова, втащил в ближайшую комнату.

Интерьер бил в глаза роскошью: диванчик на гнутых золочёных ножках, заваленный свитками стол, стулья с шёлковой обивкой. Красиво, да только спрятаться решительно негде.

— Может, под диван? — прошептала Эстер. — Представляешь, как эпично это будет выглядеть в моих мемуарах?

— О да. «Доблестные беглецы пали смертью храбрых, задохнувшись в пыльных клочьях», — парировал он и, откинув тяжёлую портьеру, нырнул в оконную нишу. — За мной, живо.

Она скользнула за ним, втиснувшись в узкий простенок между стеной и его плечом. Темнота здесь стояла густая, воздух сделался спёртым, а расстояние между их лицами сократилось до неприличного минимума.

Из-за двери прорвались два голоса — звонкий, срывающийся на слёзы, и басовитый, переполненный досадой:

— Да остановись ты, выслушай!

— Не желаю слушать! Куда глаза глядят — туда и пойду!

Эстер про себя простонала: *«Превосходно. Семейная драма пожаловала прямиком к нашему укрытию. Спасибо, мироздание, ты очень щедро».*

Зейн едва слышно хмыкнул в темноте:

— Страсти кипят. Сейчас, глядишь, начнут мириться прямо у порога.

— Только не вздумай сказать, что они сейчас целоваться начнут...

Оба притихли. За шторой девушка судорожно всхлипывала, мужчина рокотал что-то утешительное, а затем вдруг издал короткий, тёплый смешок.

— Уйди прочь! Глаза б мои тебя не видели! — выкрикнула она сквозь рыдания.

— Да дай же мне хоть слово сказать, — в мужском голосе звенела настойчивость. — Перестань убегать и послушай.

— Ты сам всё разрушил! Сам! Пялишься на неё неотрывно! — каждое слово давалось ей с боем, продираясь сквозь спазмы в горле.

Мужчина опять тихо рассмеялся:

— Ты что же, снова ревнуешь? Вот так открытие.

— А тебе бы всё шутить! — с горечью бросила она.

«Потрясающе, — подумала Эстер, прижимаясь лопатками к холодной стене. — *Готовая сцена для третьесортного романа. И уходить они, судя по всему, не торопятся».*

Она чуть повернула голову, почти касаясь губами плеча Зейна, и выдохнула:

— Ты в состоянии нас отсюда выдернуть?

Он склонился ниже, и его дыхание обожгло ей ухо, заставив вздрогнуть всем телом:

— Да. Едва они уберутся — сразу уйдём. Даю слово

Из-за двери снова донёсся мужской бас:

— Если мы пропадём надолго, князь подымет тревогу. Весь город перетряхнёт.

— Да хоть бы он своего ручного кровопийцу из Трансильвании за нами отрядил! — девушка судорожно всхлипнула, размазывая слёзы по щекам. — И вообще, какой он князь? Самозванец, чей титул такой же поддельный, как румяна этой… как её?

Эти слова кольнули Эстер где-то глубоко в сознании, будто она уже слышала их когда-то — во сне, в бреду, в другой жизни.

Она осторожно, миллиметр за миллиметром, отвела край портьеры.

Тёмно-вишнёвый шёлк её платья струился до самого пола, а серебряное шитьё вспыхивало при каждом движении, длинный шлейф змеился следом.

— Вертится на языке, а вспомнить не могу, — с досадой бросил мужчина. — А всё потому, что мои мысли занимает одна очаровательная искорка.

— Лжёшь! Всё ты помнишь! Просто глумишься надо мной!

— Ты выслушаешь меня, нравится тебе это или нет.

Девушка презрительно скривилась и круто развернулась к окну. К ним.

Эстер перестала дышать.

Ноги отказали. Она хотела отшатнуться, спрятаться обратно в складки ткани, но тело парализовало намертво. *«Этого не может быть. Боги, этого просто не может быть…»*

Перед ней стояла она сама. Те же глаза, в которых сейчас застыл ужас. Та же линия скул, тот же изгиб рта. Эстер смотрела в собственное лицо — бледное, перепуганное, заплаканное.

Двойник тоже замерла. Потрясение мелькнуло в её чертах, но лишь на мгновение. Она вскинула ладони и одними губами, без звука, выдохнула: «Бегите!»

Зейн рывком прижал Эстер спиной к своей груди, заслоняя собой.

— Кто она? — выдохнула Эстер, чувствуя, как зубы выбивают дробь. — Этого не бывает… Дай мне взглянуть ещё раз…

— Не смей, — его голос прозвучал глухо и жёстко. — Даже не думай.

Мужской голос вспорол тишину как нож:

— Что тут за представление?

— Никакого представления, — откликнулась девушка с ледяным спокойствием, совершенно не вязавшимся с её недавними рыданиями.

— Это же мой голос… — прошелестела Эстер, чувствуя, как сердце сжимается в тугой, болезненный комок.

— Молчи, Эстер. Не шевелись, — прошептал Зейн, стальной хваткой удерживая её. — Самое важное сейчас — не выдать себя.

— Там, у окна… кто-то есть, — мужчина произнёс это медленно, цедя каждое слово сквозь зубы.

— Нет там никого! — в голосе девушки зазвенело отчаяние пополам с мольбой.

— Или прячется… и слышит каждое наше слово…

Фраза оборвалась, точно перерезанная струна. Комната утонула в зловещей, гнетущей беззвучности.

Эстер больше не выдержала. Рывком, в котором смешались ужас и жгучее любопытство, она откинула портьеру — и обратилась в соляной столп.

Перед ней разворачивалась сцена, в реальность которой отказывался верить рассудок: её собственное лицо, её губы сливались в поцелуе с рыжеволосым мужчиной. Сначала тот словно окаменел, но уже в следующий миг что-то внутри него треснуло — его руки притянули девушку ближе, отвечая на ласку с неожиданной жадностью. Двойник Эстер смежила веки, без остатка отдаваясь происходящему.

Внутри у Эстер всё взорвалось. В животе вспорхнули десятки, сотни невесомых бабочек — они бились о рёбра, щекотали изнутри, поднимались к самому горлу.

«Я целуюсь… то есть она целуется… а я чувствую всё…»

Мысли путались, жар прилил к щекам, потому что та девушка целовала не абстрактного рыжеволосого красавца — она целовала Звёздного учителя. Зейна. И бабочки в груди внезапно окрепли, превратились в птиц с мощными крыльями. Их взмахи разметали целующуюся пару, растворили её в воздухе.

В тот же миг пространство смялось, пошло рябью — и Эстер обнаружила себя у входа в тесную кладовку. Зейн по-прежнему сжимал её в объятиях. Равновесие было утеряно, они кубарем ввалились внутрь. Он успел развернуться, принимая удар спиной о дощатый пол, и Эстер рухнула прямо на него, вжавшись всем телом — ситуация вышла до глупого неловкая.

Тишина обрушилась на них подобно лавине. Эстер зажмурилась до цветных кругов перед глазами, ожидая криков, топота, гневных воплей — но вокруг не раздалось ни звука. Ни души. Ни единого свидетеля их позорного падения. Судорожно выдохнув, она прильнула щекой к его груди, слушая, как стучит его бешеное сердце. Прямо как её собственное сейчас.

Теперь она знала наверняка: та девушка за портьерой не была иллюзией.

Это была она.

Глава 4. Сквозь мессы уходящим и грядущим дням.

— Бред какой-то! Этого просто не может быть! — Эстер покачнулась на ступеньке, чудом успев вцепиться в перила. — Да я в жизни ни с кем не целовалась! И не планирую!

Сунан изогнула бровь, и в уголках её губ затаилась лукавая усмешка:

— А что, если память подвела? Вдруг у тебя провалы? Или ты во сне ходишь — сама же рассказывала, что бродишь по ночам, ничего не соображая. Может, как раз в это время и навёрстываешь?

— Су! — Эстер возмущённо глотнула воздух. — Это чушь собачья! Такое не забывается! У меня губы… совершенно невинные, понятно?

Сунан прыснула, спрятав смех за ладонью, но глаза так и лучились озорством.

— Всё-всё, сдаюсь, — она вскинула руки, признавая поражение. — Но идея-то шикарная, признай.

Эстер картинно взмахнула руками, изображая праведный гнев:

— Ну знаешь! Может, нам тогда в академии новый предмет ввести? «Мастерство поцелуя»! На кой нам турецкий? Кому он сдался? А вот это — реальная подготовка к жизни!

— О-о-о! — Сунан шагнула на ступеньку выше, будто зловещий персонаж, вышедший на авансцену. — И кому доверим преподавание? Может, нашему сиятельному Звёздному учителю?

— Уволь! — Эстер сморщилась так, словно ей сунули под нос протухшее яйцо. — Уже вижу: весь класс в очереди к его губам выстроился. Благодарю, но я пас.

Сунан закатила глаза и зашлась хохотом:

— Представляю вступление: «Через три минуты начало практической части! Все успели записаться на индивидуальную отработку?»

— Замолчи! — Эстер зажала уши. — Я это даже в воображении переварить не могу!

Они одновременно фыркнули, и на мгновение вернулись в те школьные ночи, когда мечтали о «том самом поцелуе», пересматривали сцены из фильмов и до хрипоты спорили, кто из актёров в этом деле король. Тогда всё казалось игрой. А теперь…

Внезапно Сунан замерла посреди движения, круто развернулась и решительно стиснула ладонь Эстер:

— Хватит прятаться по углам, моя неприкосновенная, наивная душа. Настал момент истины. Ты обязана поговорить с Синклером. Сейчас.

Едва они дошли до кабинета Синклера, Эстер почувствовала, как пальцы леденеют, а сердце камнем ухает в живот.

— Су, давай перенесём… — прошептала она, пятясь.

— Исключено! — отрезала Сунан и почти силой втолкнула её к двери. — Иди и вытряси из него правду. Время игр кончилось.

От волнения все уроки хороших манер вылетели у Эстер из головы. Она толкнула створку с размаху — дверь с оглушительным треском впечаталась в стену.

Синклер медленно поднял глаза от бумаг; бровь его едва заметно дёрнулась — то ли от неожиданности, то ли оценивая столь бесцеремонное вторжение.

«Святые, надеюсь, он не взбесится…» — мелькнуло у Эстер в голове, пока она ловила ртом воздух.

— Мисс Розалес, — протянул Зейн, откладывая перо и откидываясь назад, — если вы хотели проверить мои нервы на прочность, вам удалось. Присаживайтесь, пока они у вас самой не сдали.

От его взгляда в горле у Эстер мгновенно пересохло, а желудок скрутило в тугой узел.

«Ну давай, не подведи…»

— Я… э… это самое… — залепетала она, чувствуя, как язык превращается в неповоротливый кусок войлока.

— Розалес, вдохни поглубже, — с заботой произнёс Зейн. — А то ты сейчас красиво осядешь, и мне придётся ловить тебя на руки. Не уверен, что ты к этому готова.

Он взял её за запястье усадил на стул и коротко коснулся плеча. И сумбур внутри неё как-то разом угомонился. Страх сменился жгучим любопытством. Эстер сама не заметила, как слова сорвались с языка:

— Объясните мне одну вещь. Как вы материализовались в Альентаре? И вчера — вы стояли там, где не должны были находиться. Что за чертовщина?

Зейн выдержал долгую паузу — казалось, он просвечивает её насквозь, сканируя каждую трещинку в самообладании. Наконец он выдохнул:

— Честно? Я бы и сам хотел это знать, Эстер. Твоё появление в том месте ошеломило меня не меньше, чем тебя — моё.

— Получается… — она провела ладонью по лбу, собирая мысли в кучу. — Получается, вы тоже ничего не понимаете? Я думала, у вас есть ответы.

— Ответов нет, — он чуть склонил голову. — Но есть предложение, которое я уже делал. И сейчас, когда всё так запуталось, оно, пожалуй, стало ещё весомее.

— Вы про своё особое подразделение? — настороженно выдохнула она, сузив глаза.

— Я про тебя. Остальные — лишь декорация. Массовка, не более.

— И как вы с ними поступите? Выдадите премиальные и укажете на дверь? — съязвила Эстер.

— О, не стоит быть настолько суровой, мисс Розалес, — уголки его губ поползли вверх в узнаваемой усмешке. — Определим в резерв, и дело с концом.

— Уморительно, — бросила она, массируя переносицу.

— Смешного тут ровно ничего, — парировал он. — Ни один из них не умеет шагать сквозь время, а ты — умеешь. Это не просто особенность. Это делает тебя… исключительным активом.

Он позволил себе улыбнуться снова, и Эстер внезапно ощутила себя фигурой на чужой доске, которую уже двинули на ключевую клетку, даже не спросив разрешения.

— Допустим, я в игре, как будто у меня есть выбор, — проговорила она, растягивая слова, — тогда вы поможете мне обуздать эти… провалы во времени? Хватит с меня роли обезумевшей белки в колесе.

— Помогу, — отозвался он.

— Но ради чего вам стараться? — Она снова сощурилась, пытаясь процарапать его невозмутимость. — Что вы потребуете взамен?

— Ах, дорогая моя, — Зейн чуть качнул головой. — Не будем забегать. Цена всегда озвучивается после того, как стороны ударили по рукам.

— Утешительно, — фыркнула она.

— Привыкай. Жизнь вообще не балует сладкими дарами с открытой ценой в уголке, — усмехнулся он. — Итак, твой ответ? Договариваемся или продолжим наматывать круги?

Эстер медленно выпрямилась. Его взгляд тянул её почти физически — словно невидимый трос, обмотанный вокруг талии. Гипноз? Пожалуй, нет. Просто Синклер в чистом виде.

— Кто вы на самом деле?

В ответ он улыбнулся.

— Быть может, мы с тобой куда ближе, чем ты думаешь, Эстер, — произнёс он вкрадчиво. — Просто ты пока не можешь это разглядеть.

Влекомая жгучим интересом, она преодолела оставшееся расстояние между ними:

— Давно это с вами? Когда вы впервые провалились во время?

Он неопределённо повёл плечом.

— Около пяти лет назад. Сейчас я контролирую процесс. Могу уйти в любой момент в любую точку прошлого по желанию.

Эстер сглотнула, ощутив, как сердце даёт сбой:

— И вы… возьмётесь учить меня?

— Безусловно, — обронил он. — Если внутри тебя созрела решимость.

Она выпустила воздух, выдувая прочь остатки колебаний. Хотя где-то под рёбрами уже зудела мысль: это приглашение в круг проблем посерьёзнее.

— Тогда по рукам… господин…

— …Синклер, — учтиво достроил он фразу, и его улыбка прибавила в ширине. — Замечательно. Стало быть, устный договор заключён. А устные договорённости, Эстер, как гласит житейская мудрость, — самые обязывающие: их поди-ка опровергни в присутствии судьи.

— Смешно до колик, — она демонстративно возвела глаза к потолку.

— А я не развлекаюсь, — он откинулся в кресле, соединив пальцы домиком, точно верховный магистр тайной ложи хроноходцев. — И добавлю, мисс Розалес: ни души. Ни единой живой души. Даже тем, кто носит вам завтрак в постель или изливает переживания о бывших. Это будет наша… маленькая, взрывоопасная тайна.

— Блеск, — Эстер картинно сложила руки. — Заговоры, шифры, подпольные организации… Дело за малым: обзавестись секретным словом и особым рукопожатием.

***

— Погоди, я правильно расслышала? Сам профессор Синклер взял на себя твои прыжки во времени? — Сунан замерла со щёткой в руке, и в её глазах заплясали искры чистейшего азарта. Мягкой волной она вновь запустила щетину в светлые локоны Эстер, распутывая прядь за прядью. — И ты теперь в его закрытом круге — с шифровками, заданиями и титулом «посвящённой»? Подруга, да ты выиграла лотерейный билет мироздания! Никаких скучных конспектов — сплошные конспиративные явки, никаких аудиторных лекций — расшифровка древних галактических ребусов!

Эстер через зеркало следила за тем, как выражение лица подруги сменяется с восторженного на мечтательное и обратно. Сунан всегда умела превратить даже короткую новость в приключенческую сагу.

— Такое ощущение, что в секретный отряд взяли нас обеих, а не меня одну, — хмыкнула Эстер, пряча улыбку.

Их союз давно уже не укладывался в рамки обычной студенческой дружбы: они делили пополам каждую эмоцию. И при всей своей неуёмной говорливости Сунан умела молчать о самом важном так надёжно, словно запечатывала сведения заклятием немоты.

— И ты ещё корчишь из себя ледяную статую! — прыснула Сунан, чуть энергичнее протащив щётку сквозь пряди, отчего Эстер коротко зашипела. — Сидит, глаза отводит, будто ей только что не ключи от тайной канцелярии вручили…

— Я пока даже собственных ощущений не разобрала по полочкам, — сквозь зубы проговорила Эстер и ловко перехватила у подруги щётку. — И вообще, с чего ты взялась наводить на моей голове архитектурное излишество? Похоже, готовишь меня не то к балу, не то к обряду инициации с завязанными глазами.

— Я хочу, чтобы при вашей следующей встрече ты выглядела так, будто сошла с небес, — ангельски пропела Сунан. — Краситься тебе, кстати, почти незачем: твои ресницы чернее самой тёмной ночи. Дикая, первозданная роскошь, честное слово!

Эстер судорожно вздохнула, щёки полыхнули жаром так сильно, что, казалось, воздух вокруг заискрился.

— Да я, скорее всего, вообще его сегодня не увижу! — выпалила она, силясь унять сорвавшееся с цепи сердце. — Пару по истории Альентара отменили, пересечься нам с ним попросту негде.

— Ах, ну конечно! — Сунан выразительно постучала костяшками пальцев по её плечу, сохраняя при этом маску абсолютной безмятежности. — Ты, кажется, запамятовала про свой персональный портал со случайной датой. Бац — и ты уже стоишь в тысяча семьсот двадцать третьем году, а он, как заправский хроно-охотник, уже там, с кружкой горячего кофе и заготовленной порцией изящного флирта: «Ах, Эсси, любовь моя, ты так прекрасна!»

— Сунан, он меня в упор не видит! — выпалила Эстер, резко садясь. — Я для него абсолютно прозрачная, не в его спектре предпочтений, это же яснее ясного.

— Хватит выдумывать. — Сунан сощурилась. — Когда он обронил «Мне нет резона трепетать от чьих-то сердечек», скорее всего, кривил душой.

— Именно это и имел в виду, без всяких «скорее всего»! — Эстер сжала кулаки. — Я в его глазах — просто ещё одна фанатка из общего стада. Меня уже мутит от этой мысли.

— И пусть, — Сунан лениво повела плечами. — Сегодня ты у него в безликой массе, а завтра он под твою дудку плясать будет. Надо лишь нащупать правильные клавиши.

— Погоди, — Эстер подозрительно прищурилась, — ты сейчас на что намекаешь? На то, что я запала на него?

— Никаких намёков, — сладко протянула Сунан. — У меня факт.

Эстер, распластавшись на постели, рассеянно изучала узоры на потолке. Мысли невольно унесли её в тот день, когда монотонная академическая рутина треснула по швам. До появления Зейна Синклера история Альентара была синонимом дрёмы: профессор Джайлан, свято чтившая традицию двадцатиминутного опоздания, протекала в аудиторию с грацией улитки, а студенты за это время успевали и перекусить, и досмотреть сны, и наваять шпаргалок, забывая их содержимое ещё до начала пары.

И вот он. Не иначе как дьявол в дорогом костюме и с тем самым пронизывающим взглядом, от которого у девчонок на галёрке всё валилось из рук. Армия его поклонниц росла как снежный ком, сметая на своём пути остатки здравого смысла.

Эстер переболела этим поветрием по всем канонам: сперва яростно отнекивалась, потом злилась… а после, к собственному изумлению, изобрела противоядие. На второй же лекции она не впала в ступор, как прочие, а ввязалась с ним в такую яростную пикировку, что аудитория затаила дыхание. Остальные барышни при виде него столбенели: хлопали ресницами, лепетали невпопад, немели на полуслове. Эстер же — огрызалась. Назло. И, судя по всему, именно это его и зацепило.

— Брось, это всё самообман, — отчеканила Сунан, водружая очки на нос. — Меня не проведёшь: ты запала. Конкретно так. С головой увязла! Первое настоящее увлечение — это же улёт!

— Положим, Су, — Эстер натянула маску скучающего безразличия, — но ровным счётом ничего не меняется.

— А вообрази, если со следующего семестра ему доверят рукопашный бой, — с лукавой искоркой подбросила Сунан.

— Ох, это надо видеть! — прыснула Эстер. — Его фанатки грохнутся в обморок после первого же «коронного захвата». Воображаю их физиономии при виде его стоек!

Сунан не выдержала и рухнула в подушки, заливаясь хохотом. Смех разлился по комнате, вымывая остатки неловкости.

— По правде, — Эстер вперила рассеянный взгляд в лепнину на потолке, — я бы дорого дала, чтобы внушить себе обратное. Но чего зря спорить: он всех сводит с ума. И это жутко раздражает! С лица — картинка, да, тут уж не подкопаешься. Зато нрав… Он ухитряется бесить меня с первой же реплики! Это… это просто уму непостижимо, он…

— …чертовски обворожительный? — с ангельской миной подхватила Сунан, склонив голову набок и блеснув хитринкой во взгляде. — Слушай, да ты и сама кремень. С твоей-то хваткой — ты его в два счёта скрутишь в бараний рог. Попомни мои слова!

— Ага, размечталась, — хмыкнула Эстер. — Может, ещё скажешь, будто он завтра же прибежит и бухнется в ноги с клятвами в вечной страсти?

— А вот завтра и посмотрим, кто кого, — с деланной суровостью объявила Сунан. — На носу же День Ордена! Лично я трепещу от нетерпения.

— Ещё бы ты не трепетала, — усмехнулась Эстер. — Теперь наш черёд совершать набег на закрома с элитной выпивкой! В минувший раз этот пройдоха Сенмут выклянчил четыре бутыли, а нам подсунули жалкий остаток — две!

Глаза Сунан алчно сверкнули, она зачастила, кивая:

— Вот-вот! — торжественно возгласила она и выбросила кулак для их ритуального приветствия. — Теперь пускай этот хитрован сам извивается ужом перед стражей и строит куры часовым девицам!

Эстер с хрустом впечатала кулак в кулак подруги, и обе с восторженным писком покатились по кровати, сцепившись в объятиях.

— Вечер будет что надо, — с предвкушающей ухмылкой пообещала Сунан, будто заговорщица накануне дерзкой вылазки.

***

Эврен Озал вынырнул из-за лестничного пролёта так внезапно, словно его выплюнула сама каменная кладка.

— Ба, кого я вижу! Эстер, ты опять замерла в экстазе перед архитектурным шедевром! — провозгласил он. — От моего намётанного глаза ничто не ускользнёт, даже твоё притворное восхищение.

Эстер и Сунан одновременно закатили глаза — без единого слова выдав безупречный синхронный перевод: «Боги, только не он».

— О, Эврен, — бесстрастно произнесла Эстер, даже не поведя плечом. — Мы с этой аркой в особых отношениях. Она капризна: не отвесишь комплимент — дуется до самого вечера.

— Ты вообще осознаёшь, насколько у тебя поехавшая логика? — сощурился он.

— А ты, часом, не проглотил словарь пафосных выражений? — ввернула Сунан, но, как всегда, её слова канули в пропасть его самолюбования.

— На все сто осознаю, — отчеканила Эстер. — Зато мои интонации не режут слух, в отличие от некоторых.

— Это пока, — отмахнулся Эврен с видом победителя.

— Было бы грандиозно, если б ты прямо сейчас растворился в воздухе, — прошипела Сунан.

— А-а, я понял! — оживился он, полностью проигнорировав шпильку. — Вы тут собрались шушукаться о своём, о девичьем? Секретничать, прыскать в кулачок, перемывать косточки… Подумать только — три пары за одним столом, а сплетен уже на три тома! Слушайте, а не рвануть ли нам всем вместе в кино сегодня?

— Мимо, — отрезала Сунан без паузы.

— Какая жалость, я тоже занят, — наигранно вздохнул Эврен, продолжая тащиться за ними по холлу будто банный лист. — Приходится корпеть над этим идиотским опусом про кольца. Я, кажется, уже докладывал, что испытываю к господину Синклеру стойкое отвращение?

— Докладывал, — ледяным тоном бросила Сунан. — Раз двести.

Они уже толкали массивные створки выхода, когда по глазам полоснуло солнце.

Прямо у начала мостовой припарковался Lamborghini Urus SE — огненно-оранжевый. На его фоне чугунные академические ворота мгновенно превратились в ржавый реквизит.

— Вот это аппарат! — потрясённо выдохнул Эврен, и в его голосе зазвенела откровенная зависть. — Какая стать… Не соврали, выходит: среди нас обретается отпрыск самого Джонни Деппа.

Эстер сдержала смешок. Да, дочь Джонни Деппа — только с перекроенной насквозь легендой, чужим паспортом и принципиально иными вводными.

— Ну теперь картинка сложилась, — фыркнула Сунан, заслоняясь ладонью от ярких лучей. — Теперь хотя бы понятно, почему её развозят на такой колеснице. Прям засекреченный спецагент под прикрытием!

На пороге академии уже сгрудилась стайка зевак. Айсун и Нерсин, по своему обыкновению, пробились в первые ряды и буравили сцену алчными глазами папарацци, охотившихся за сенсационным кадром. Впрочем, машина их, судя по всему, не слишком занимала.

— Ничего себе расклад! — выдохнула Нерсин, от удивления приоткрыв рот так, что туда мог бы без труда впорхнуть шмель. — Наша зубрила — и вдруг с кавалером? Да не с каким-нибудь, а с таким!

— Может статься, это какая-нибудь родня? — выдвинула робкую версию Айсун. — Ну там, кузен… Или троюродный брат… Сейчас ведь не разберёшь, кто кому кем приходится.

Эстер внезапно стиснула запястье Сунан с такой силой, что подруга взвизгнула. У самых ворот, облачённый до неправдоподобия буднично — в джинсы и футболку без единого намёка на бренд, — возвышался он. Их драгоценный наставник, восходящая звезда академии. И — вот уж ирония судьбы! — непринуждённо переговаривался с Фируз, словно старый приятель.

Фируз — та самая образцовая ученица, гордость курса, которая полгода как официально перевелась на семейное образование, а на деле мелькала то в парижских сводках, то в токийских кварталах, то ещё в дюжине мест, о которых Асиль вещала с таким упоением, что добрая половина учащихся уже не сомневалась: у Фируз припрятан карманный телепорт.

— И чего ради я вбила себе в голову, будто у него причёска короче? — сварливо прошептала Сунан, прицеливаясь глазами в Зейна, точно снайпер в оптический прицел.

— С какого перепугу ей быть короче? — изумилась Эстер, не поспевая за ходом её мыслей.

— Да понимаешь… — протянула Сунан, — самую малость… Но факт остаётся фактом… дьявол, до чего же хорош. Как ни крути, а признавать приходится.

— Бьюсь об заклад, он по мальчикам! — с победоносным апломбом объявил Эврен, ввинчиваясь между подругами, так что едва не отдавил Эстер пальцы. — Две штуки лир не пожалею!

— Эврен, ты способен хотя бы раз в жизни… — только и начала Сунан, но её перебил взволнованный возглас Айсун:

— Глядите все! О всевышние! Он тронул её за руку!

Зейн действительно мимолётно коснулся пальцев Фируз, но только что бы убрать ладонь с его же плеча, однако толпа ахнула с таким придыханием, словно перед ними развернулся финал душещипательной мыльной оперы.

Фируз улыбнулась — и эта улыбка, подобная солнечному лучу, пробившему грозовую тучу, мгновенно развеяла её всегдашнюю холодность. На щеках проступили ямочки, в глазах заплясали тёплые искры — и вот уже перед всеми стояла не просто примерная ученица или таинственная странница, а юная особа, способная вскружить голову кому угодно.

«Неужели он влюблен? Зейн-то, похоже, вовсе не считал её серой незаметной мышкой. Скорее, в его взгляде проглядывала искренняя симпатия. А может, и кое-что посерьёзнее?»

Студенты оцепенели. Гомон стих, все затаили дыхание, ловя каждый жест.

— Он касается её щеки! — вскрикнула Айсун, вдавливая ладони в губы. — Силы небесные, да это же кощунство! Крах всех идеалов!

— Никакую щёку он не трогает! — отрезала Сунан, чей рассудок не плавился от сотен дамских романов и которая «синклеровской лихорадкой» никогда не страдала, а потому зрила в корень. — Он просто вскинул руку.

Эстер же ощутила, как в грудной клетке разверзлась леденящая бездна. Все отговорки, всё самоубеждение рассыпались трухой. Врать себе больше не выходило. Она пропала. Безнадёжно, по уши. И лицезреть его возле другой было мучительно.

— Вот сейчас он её поцелует! — сдавленно взвыла Айсун, пропуская слова подруги мимо ушей и вцепляясь в перила до побелевших костяшек. — Гляди, Эстер, он склоняется…

Мир замер. Даже вездесущий Эврен обратился в соляной столб. В действительности же это Фируз сокращала разделявшее их расстояние — тут уж никакой трезвый взгляд Сунан не мог возразить. Зейн на девушку даже не глядел, но для Эстер это уже роли не играло.

— Только в щёчку! — вырвалось у Айсун с откровенным вздохом облегчения, и она отшатнулась назад. — Видала? Она поцеловала его в щёку. Ничего страшного! Наверняка он ей какой-нибудь кузен, правда же? Эстер, ну признайся, ты ведь тоже в это веришь?

Эстер медленно развернулась. Голос её звякнул металлом:

— Нет. Никакой родни между ними. Можешь мне поверить.

Сунан сложила руки на груди, по губам скользнула усмешка, и она метнула взгляд в сторону Эврена:

— И насчёт предпочтений ты, выходит, сел в лужу. Так что пакуй свои две тысячи лир обратно вместе со своей блестящей гипотезой.

— Пари? — взвился Эврен, пунцовея на глазах. — Взгляните на его перстень! Такую гравировку носят только посвящённые в…

Фраза повисла в воздухе.

Фируз одарила Зейна улыбкой — столь ослепительной, что даже утреннее солнце померкло. Её пальцы едва скользнули по его руке, в прощальном жесте, а затем она стремительно двинулась к воротам. Одного этого мимолётного касания оказалось довольно, чтобы сердце Эстер сорвалось в ледяную пропасть.

А затем произошло немыслимое. Зейн обернулся. Его взгляд мазнул по собравшимся — и остановился. На Эстер. В ту же секунду мир перестал существовать. Лишь его глаза напоминающих чистейшую небесную глазурь. Он улыбнулся, и дыхание Эстер пресеклось.

— Эстер! — его голос легко перекрыл приглушённый гомон, звонкий, властный, не допускающий возражений. — Ну наконец-то! Я уже начал терять терпение!

По толпе пронёсся изумлённый ропот. Айсун и Нерсин синхронно распахнули глаза до пределов анатомических возможностей. Эврен замер, приоткрыв рот, так и не исторгнув ни звука.

— Давай, шевелись, — зашипела Сунан, легонько пихнув Эстер в лопатки. — Вперёд, примадонна. Твой коронный выход!

Каждая ступенька давалась с боем. Эстер спиной ощущала десятки взглядов — колючих, как осиный рой. Наверняка вся публика вылупилась, разинув рты, а уж Эврен-то точно уже мысленно строчит очередную ядовитую тираду.

Она подошла. И заготовленные острые фразы рассыпались в труху, исчезли без следа. В сознании пульсировало лишь одно: его глаза. Два ледяных кристалла, вобравших золото утреннего солнца, откровенно потешающиеся над её растерянностью.

— Здравствуй, — вырвалось сиплое, предательски жалкое.

— Здравствуй, — он разглядывал её чересчур внимательно. Эстер даже грешным делом утешала себя, что даже на Фируз он так не смотрел. — Ты сегодня хорошо спала?

Пульс грохотал в ушах так, что чудилось — он различит этот стук за версту. То ли колдовство Сунан с бальзамами, шпильками и чудо-взбалтывателями наконец дало плоды, то ли

перед ним просто стояла насмерть перепуганная девчонка, изо всех сил изображающая, будто совсем-совсем не ревнует, а на деле готовая провалиться сквозь асфальт.

Зейн неторопливо опустил взгляд — и задержал. Его глаза прошлись по её ногам. В памяти мгновенно ожили вчерашние подвиги: три версты по колючему кустарнику, две — по острому щебню и ещё вереница шагов по беспросветному позору.

«Любуйся-любуйся. Фируз вчера наверняка принимала ванну из лепестков, а я тянула роль солдата неудачника».

— Сносно, — процедила она, прикусив щёку изнутри, чтобы удержать рвущиеся наружу едкие комментарии.

Зейн вскинул бровь, и уголки его губ поползли вверх — в точности та самая ухмылка, от которой у любой барышни в обозримом пространстве напрочь сносило крышу.

— Вижу, ты уже собрала приветственный комитет, — кивнул он на лестницу, где Айсун и её свита тряслись в ажитации. — Вон та, с краю, по-моему, вот-вот грохнется в обморок от восторга. Может, всё-таки запастись нашатырём?

— Это Айсун, — холодно пояснила Эстер. — Та самая, что недавно с пеной у рта убеждала Эврена в твоей принадлежности к другому лагерю и назвала тебя венцом творения. Сейчас у неё просто гормональный шторм. Она, между прочим, наследница целого вампирского клана с сетью ночных заведений…Может познакомить вас поближе?

Зейн медленно перевёл глаза на Эстер. Улыбка сделалась до того очаровательной, что Эстер мысленно выстроила баррикады — перед дверями, перед окнами… и перед собственным сердцем.

— Как-нибудь непременно, — почти промурлыкал он. — Только не сегодня: у нас по расписанию спасение мира и последующая конспирация.

Он коснулся её пальцев. Эстер вдруг поняла, что внутри закипает смех, тот самый, дурацкий, когда всё бурлит и щекочет, и ноги становятся ватными. В этот миг с лестницы долетел визг такой пронзительности, что, казалось, всполошились бы даже летучие мыши в соседнем квартале.

— А у нас троих — меня, Сунан и Сенмута — была запланирована шопинг-операция! — театрально вздохнула она, пока он неумолимо подталкивал её к машине. — Завтра День Основания Ордена, а мой гардероб пребывает в состоянии стихийного бедствия! Без примерки катастрофы не миновать!

— Гардероб переживёт, — отрезал Зейн, распахивая перед ней дверцу мандаринового суперкара.

С лестницы опять понесло визгом — на этот раз такой силы, что, кажется, его бы уловили даже ультразвуковые датчики в трёх кварталах.

— Ты сам требовал тотальной конспирации! — возмутилась Эстер, забираясь в уютное кожаное кресло. — А теперь устроил представление специально для кумушек! Они же сразу вообразят, что у нас — любовная интрижка!

— И тебя это пугает?

— Ещё бы! — взорвалась она. — Я всем буду объяснять, что это чушь, просто ты отъявленный обольститель. Форменный стамбульский донжуан!

Сперва он лишь фыркнул, сдерживаясь. Потом расхохотался — открыто, раскатисто.

— Обольститель? — переспросил он, откидываясь в кресле и впиваясь в неё взглядом. — Знаешь, Розалес, именно за это ты мне и дорога. Прочие заикаются от смущения, а ты режешь правду-матку без колебаний.

Отголоски его хохота ещё плавали в воздухе, а Эстер уже ощущала, как щёки предательски наливаются жаром. Почему именно ему дано вытряхивать её из равновесия одной лишь интонацией?

— Пускай воображают что хотят. Мне безразлично, — Зейн небрежно дёрнул плечом. Он даже не повернулся — его профиль источал такое невозмутимое спокойствие, что Эстер чуть не вскипела.

— Ах, ну разумеется! Всё как обычно! — передразнила она с ядовитой гримасой, выпятив губы. — Где же твоя пресловутая честь? Или ты, словно истинный аристократ, попираешь суждения черни? Наверняка в твоём роду переплелись три священных рода и хранится коллекция вековых обид!

Его губы дрогнули. Ладони лежали на руле: красивые, как у какого-нибудь аристократа, с длинными пальцами, выстукивавшими какой-то одному ему ведомый ритм. Эстер неожиданно осознала, что пялится на них слишком откровенно, и торопливо отвела взгляд. Он вообще догадывается, какой эффект производит на людей?

— Тот твой знакомец, вечно сыплющий дурацкими остротами… — внезапно заговорил Зейн как бы между прочим. — Я не знал, что вы двое — пара.

— Что? — Эстер ошарашено захлопала ресницами. — Ты о ком?

«Ревнует? Зейн? Нет, это абсурд. Ревность и Зейн — как опера и рок-фестиваль: две несовместимые вселенные, которым ни за что не пересечься».

— Ну, тот, что пытался обвить тебя своей лапищей, — пояснил он, и его пальцы чуть сильнее сжали обшивку руля.

— А, Эврен? — Эстер не сдержала короткий смешок. — Боги, разумеется нет! Мы всего лишь сокамерники по академической каторге. Вместе записались на кружок «Реанимация древних свитков». Его предел мечтаний — списать у меня контрольную по вымершим наречиям. И как ты умудрился его забыть? Ты же сам ему работу по кольцам поручил.

— Лица идиотов не задерживаю в памяти. Как и имена. Если ты не намерена связывать с ним будущее, — проговорил Зейн с каким-то трудночитаемым выражением, — зачем позволяешь ему прикасаться?

— Я не позволяю. По правде, я и не заметила, — Эстер отвернулась к стеклу, гоня прочь картину у ворот.

«Мой разум был занят подсчётом напряжения в твоей улыбке. Интересно, сколько там вольт набирается, когда ты смотришь на Фируз?»

— Отчего ты вспыхнула? — он метнул на неё беглый взгляд. — Опять из-за этого… Эврена?

— Озала, — машинально поправила Эстер.

— Да, Озала, — безразлично отмахнулся Зейн. — У него на физиономии крупными буквами написано «идиот».

В его глазах мелькнуло что-то похожее на досаду. Эстер не сдержала ехидный смешок:

— О, его таланты одной глупостью не исчерпываются. Он способен заговорить до полусмерти. А легенды о его поцелуях сравнивают их с попыткой крокодила впасть в спячку после снотворного, — ляпнула она и мысленно отвесила себе оплеуху: *«Эстер, прикуси язык!»*

— Мне это совершенно безразлично, — отрезал Зейн. Брови сдвинулись, голос зазвучал незнакомо резко.

Эстер еле подавила желание скрестить руки на груди.

«Тише, не теряй самообладания. Ты не дашь ему победить», — приказала она себе.

— Так куда мы всё-таки катим? — поспешила перевести стрелки Эстер. — Надеюсь, не на сеанс к зубодёру?

Автомобиль мягко уносил их прочь от городской суеты. Стеклянные исполины растаяли в дымке, дорога запетляла меж сосновых увалов. В салон вливался запах смолы вперемешку с тонким ароматом свободы — тем самым, что успел позабыться. По левую руку переливался Босфор, точно жидкое золото, разлитое до горизонта.

— К твоим родителям, — произнёс Зейн. — В былое.

Глава 5. Если Бог - это женщина, то Бог это оружие.

Скажи, что Бог это оружие, хорошо, я ручная граната
Попробуй, выдерни кольцо, смотри, как я взрываюсь.
Falling In Reverce.

Они соткались из воздуха прямо перед резиденцией на Антуанет Гейт — центральной улицы, проходящей через ратушную площадь Сент-Эмерод. У Эстер перехватило горло: фасад здания сверкал с такой невыносимой яркостью, словно его отлили из монолитного золота, а не складывали руками каменщиков.

Возле дверей возвышался привратник — не просто служащий, а фигура, будто шагнувшая сюда прямиком из древнего волшебного предания.

— Скорее всего, с наступлением темноты он сторожит врата в другую реальность, — еле слышно предположила Эстер.

Зейн элегантно одёрнул манжету, вручил швейцару карточку и с абсолютной невозмутимостью сообщил, что их появление — это «внезапный подарок семье Розалес, способный развеять угнетающее однообразие их дней нашим скромным, но исключительно драгоценным визитом».

Эстер едва подавила смех.

— Ты смотришься до неприличия просто, — шепнула она, когда швейцар исчез. — Без высокого цилиндра и роскошных бакенбард от тебя разит… сегодняшним днём. Точно электрический самокат, влетевший на бал эпохи Джейн Остин.

— А ещё никаких усов, — прищурившись, хмыкнул Зейн и подмигнул. — Погляди на портрет. Сеньор Розалес обладал настолько выдающейся растительностью над губой, что ею можно было завязывать шнурки. Или, возможно, отпирать ворота, если бы куда-то запропастился ключ.

Эстер перевела взгляд на картину и помимо воли расплылась в улыбке.

— Судя по всему, бабушка Дамла отличалась… весьма специфической эстетикой. Так и представляю, как каждое утро он накручивает усы на бигуди. Но как ты всё это узнал, Зейн?

— Длинный рассказ. Мой самый первый прыжок во времени забросил меня именно в этот дом. Я столкнулся с ними. И с тобой. — Он сощурился. — Вернее, с твоим самым ранним изданием — полугодовалой «визжащей сарделькой». Тогда я решил, что время надо мной откровенно потешается.

Эстер тихо усмехнулась.

— Иными словами… они в силах приоткрыть мне истину о том, что было со мной раньше? — почти шёпотом спросила она.

— Я искренне на это уповаю, — жёстко произнёс Зейн. — А если заупрямятся — вытрясу из них правду до последней крохотной соринки.

Эстер взволнованно закусила губу.

— А что, если они просто не захотят? Вдруг ты им порядком надоел своими бесконечными визитами?

— Полностью исключено, — с лёгкой усмешкой отрезал он. — Для них с момента нашей последней встречи минуло целых восемь лет. А для меня — считанные мгновения. Так что законное право испытывать досаду тут исключительно за мной.

Эстер невольно хмыкнула:

— Я, кажется, начинаю понемногу осознавать природу временных парадоксов…

Её размышления прервались в тот самый миг, когда на лестнице показалась хозяйка — величественная дама с причёской, будто снятой с зеркального двойника Эстер, только старше

на несколько лет. От всей её фигуры исходила та родовая осанка, которой у Эстер не наблюдалось ни капли, словно её вычеркнули из семейной летописи. Женщина и девушка оцепенели напротив друг друга — точно два зеркальных отражения, нечаянно встретившихся на стыке реальностей.

Тишина зазвенела до ломоты в висках. Зейн помедлил, а затем позволил своей улыбке стать мягкой и почти тёплой.

— Сеньора Розалес, мой запрос не претерпел изменений за восемь лет: расскажите, что именно случилось в тот день, когда бесследно исчезла ваша племянница, которая в данный момент находится подле меня?

Эстер застыла, как от внезапного удара. Её глаза расширились, и она вонзилась ошеломлённым взором в Зейна.

Дама не пошевелилась — её улыбка сохраняла безукоризненную гладкость.

— Мой ответ остался неизменным со времени вашего прошлого визита: я не дам вам тех сведений, которые вы ищете, — произнесла она с прежней мягкостью. — Впрочем… горячая чашка чая никогда не помешает. Даже если момент кажется не слишком располагающим.

— Что ж, тогда мы просто вынуждены немедленно испробовать ваш чай, — с утончённой учтивостью парировал Зейн.

Хозяйка проводила их на второй этаж, в залу, которую словно нарочно обставили для приёма монарших особ. По столу были расставлены сияющий фарфор, мерцающее серебро, источали аромат тёплые булочки, хрусткий хлеб, масло, мармелад и аккуратно сложенные сэндвичи. Эстер сбавила шаг, не в силах оторвать взгляд от сервировки:

— Всё устроено так, будто вы знали, что придём именно мы.

Госпожа Розалес окинула приборы долгим взглядом и усмехнулась.

— Ты почти угадала, — согласилась она. — Хотя, по правде, я поджидала совсем других посетителей… искателей драгоценностей.

Зейн так и не опустился на стул.

— В таком случае, позвольте нам обоим воздержаться от сидения. При всём почтении, сеньора, сейчас нам не до чайных церемоний. Мы пришли получить разъяснения.

— Вот как? — голос её сохранял прежнюю бархатистость. — И какие же именно разъяснения вам надобны?

Эстер набрала полную грудь воздуха, собирая в кулак всю свою отвагу:

— Кто я такая на самом деле? Откуда во мне этот… феномен? И что стряслось со мной много лет назад — то, чего я совершенно не помню?

Улыбка дамы стала ещё заметнее.

— Я не намерена поднимать эту тему в его обществе.

— Сеньора, — Зейн приблизился на шаг, — я предостерегал вас восемь лет назад: те, с кем вы сегодня говорите, виртуозно плетут обман. Вы можете дорого заплатить за излишнее к ним доверие.

Она прищурилась, изучая Зейна с новым интересом.

— Вот как? Стало быть, ты — особый случай? Не из их стаи?

Зейн едва заметно наклонил подбородок.

— Особым случаем меня считать трудно.

Из-за двери внезапно прорезался чей-то чужой голос:

— Знаешь, Зейн, это уже почти смешно. Я твержу ей тоже самое день за днём.

Все одновременно обернулись. В дверном проёме стоял мужчина приблизительно тридцати лет. Он двинулся к ним медленно, без спешки. Зейн отозвался лёгкой усмешкой. И тут же его пальцы молниеносно обхватили запястье Эстер.

— Стой на месте, — выдохнул он.

Пришелец, напротив, держался с таким видом, словно попал не в сгусток напряжённого противостояния, а на самое заурядное чаепитие. Он иронично изогнул бровь и с полной серьёзностью сообщил:

— Кстати, я бы сейчас не прочь съесть бутерброд с сыром.

— Угощайся, — ледяным тоном разрешил Зейн.

Тётя Эстер направилась к выходу. В ту же секунду на пороге вырос швейцар — облачённый всё в те же безупречно белые перчатки, но теперь вся его фигура источала неприкрытую угрозу. От прежнего образа обходительного слуги не осталось и следа — перед ними стоял вышибала из дорогого заведения.

— Замечательно, — проскрежетал Зейн сквозь стиснутые зубы. — Теперь у нас полный набор: чайный фарфор, джем и перспектива кровавого финала.

— Вам совершенно нечего бояться Окана, — нарочито лениво проговорил незнакомец, небрежно мотнув головой в сторону швейцара. — Он не причинит вам никакого вреда. Вернее… никакого серьёзного вреда. Ну, разве что выйдет нелепая случайность — как тогда, когда он… э-э-э… «ненамеренно» сломал шею одному наглецу. Сущее недоразумение, не так ли, Окан?

Швейцар ответил лишь едва уловимым наклоном головы, не утратив гранитной невозмутимости.

— Драгоценная моя Эстер! — лицо мужчины расплылось в сияющей, безбрежной улыбке. Она выглядела абсолютно неподдельной.

Эстер против воли вздрогнула. В его глазах поверх дружелюбия проступало нечто иное — глубокая, тщательно спрятанная боль.

— Как же я счастлив тебя видеть… Наконец-то ты здесь, — его голос едва заметно надломился. Он медленно вытянул руку.

Зейн мгновенно метнулся вперёд, заслоняя Эстер собой, точно взбешённый зверь.

— Даже не вздумай к ней приближаться! — прорычал он.

Незнакомец театрально вздёрнул брови, разыгрывая удивление:

— И чем же я тебя так пугаю? Разве я выгляжу опасным?

— Ты выглядишь как надвигающаяся катастрофа, только в дорогом костюме, — резко парировал Зейн.

Эстер ощущала, как бешено молотит сердце Зейна, — его напряжение волнами накатывало на неё, стискивая грудь невидимым обручем.

— Ты хочешь знать правду? — незнакомец развернулся прямо к ней. — Но пока он рядом — ответов не будет. — Он выдержал паузу и произнёс с холодной чёткостью: — Меня зовут Лиам. Лиам Розалес.

Эстер окаменела на месте.

— Вы... — её голос предательски сорвался, — вы приходитесь мне отцом?

Лиам улыбнулся.

— Мне до боли странно слышать от родной дочери это холодное «вы». Режет слух... будто мы совсем посторонние.

— А мне больно оттого, что вы прячете правду от собственной дочери, словно она в одночасье превратилась для всех вас в чужачку, — всхлипнув, отозвалась Эстер. — Зейн помогает мне, пусть даже вы усматриваете в нём... опасность.

— Наедине с вами она не останется! — бросил Зейн, рывком прижав её к себе, точно оберегал бесценную реликвию от расхитителей. — Второго случая подобного тому я не допущу.

Но тут же хватка его на долю секунды ослабла. Свободной рукой он проворно толкнул боковую дверь, и в его глазах зажёгся огонёк надежды. Огонёк мгновенно потух: на пороге высился ещё один мужчина. Такие же безупречно-белые перчатки, тот же морозный взгляд. Только в ладони у него тускло мерцал револьвер.

— Позволь представить: это Уилл, — невозмутимо объявил Лиам. — Не столь живописен, как Окан, зато при оружии. Убедился?

Зейн с грохотом захлопнул дверь — фарфор на столе откликнулся жалобным дребезгом.

— Да, — процедил он сквозь зубы, не отрывая взгляда от хищного блеска металла. — Мы в западне. И выбираться будет крайне непросто.

Мысли Эстер взвихрились беспорядочным роем: *«Разве такое возможно? Выходит, мама и тётя годами накрывали этот стол, точно предчувствуя, что однажды настанет именно этот день? А вооружённые швейцары в дверях...»*

Она вскинула глаза на Лиама.

— Откуда вам стало известно, что мы явимся именно сегодня?

Он хмыкнул, покачивая булочку в пальцах, словно дирижёрскую палочку.

— Хм, скажи я, что просто случайно проходил мимо и решил заглянуть на чай... ты бы поверила? Нет? И правильно. — Он с аппетитом откусил и с набитым ртом добавил: — Булочки, кстати, здесь превосходные. Как там твоя бабушка?

— Умолкни! — голос Зейна зазвенел металлом.

— Что, даже поинтересоваться нельзя? — Лиам изогнул бровь и состроил невинную мину. — Я ведь всего лишь осведомляюсь о здоровье пожилой дамы. Разве это преступление?

— Всё хорошо, — сдержанно ответила Эстер, чувствуя, как у неё мелко дрожит нижняя губа. — С бабушкой полный порядок.

— Убедилась? — Лиам источал приторную улыбку. — Образцовая девица. Истинная моя наследница.

Он откинулся на спинку стула, точно смакуя разыгранный спектакль, и неспешно обтёр пальцы безукоризненно белой салфеткой.

— Ты до сих пор полагаешь, будто я расставил вам силки? — Его зрачки полыхнули опасным огнём.

— Что-то в этом роде, — с металлом в голосе парировал Зейн.

— И ты всерьёз воображаешь, что способен справиться со мной, Оканом, Уиллом и его револьвером? — Лиам мотнул подбородком в сторону двери.

Зейн удержал абсолютную неподвижность взгляда.

— Безусловно.

Эстер заметила, как уголки губ Лиама чуть дрогнули, намечая едва уловимую усмешку.

— Послушай, Зейн Синклер, ты застыл ровно в той же форме, что и прежде. Всё тот же непробиваемый нрав… — В его интонации прорезался сарказм. — Я всего лишь стараюсь защитить дочь. Тогда и сейчас.

Зейн прищурился:

— Забавно. Обычные отцы задаривают дочерей игрушками и сладостями. Твой же подход — вооружённый кордон и свинцовые заряды.

Эстер уловила, как на долю секунды желваки Лиама окаменели, но он тут же вернул себе контроль и заговорил с нарочитой лёгкостью:

— О да, твои инструкторы постарались на славу. Из тебя вылепили безупречного воина — не сомневаюсь, что в твой арсенал вошли и тхэквондо, и капоэйра, а возможно, даже вальс, чтобы элегантно уворачиваться от ударов.

— Ты будешь изумлён, но с тех пор прошло много лет. Отныне я сам направляю свой путь, — с ледяным спокойствием ответил Зейн. — И ни перед кем не отчитываюсь.

Лиам картинно закатил глаза к потолку:

— О, эти пылкие тирады… Нам когда-то тоже скармливали звучные лозунги. Но мы-то знаем, что кроется за ними. Мы осведомлены, к чему стремится Князь.

Эстер порывисто выпрямилась, её голос завибрировал от нетерпения:

— Что за Князь? О чём вообще речь? Я настаиваю на разъяснениях!

В это мгновение с лестницы донёсся гулкий топот. Мерные, грузные шаги, подобные барабанному бою, возвестили: вот-вот в этой истории появятся новые лица.

Лиам не шелохнулся — только едва заметно изогнул бровь, словно заранее знал грядущий поворот.

— А, вот и новые гости, — проронил он бесстрастно, даже не потрудившись обернуться.

Швейцар безмолвно отступил в сторону, и в дверном проёме обрисовался тонкий силуэт. Девушка с бледно-золотистыми волосами торопливо спускалась по ступеням.

— Быть того не может… — вырвалось у неё, и голос надломился, мечась между потрясением и ужасом. Глаза её вонзились в Эстер.

— Да, это она, наша маленькая принцесса, — произнёс Лиам с мягкой интонацией.

— Мама? — прошептала Эстер, сама до конца не осознавая смысла произнесённого. Сходство било в глаза: тот же миндалевидный разрез глаз, та же утончённая линия скул.

— Эстер… — выдохнула Эллен дрожащим голосом.

— Да, Эллен, это действительно она, — подтвердил Лиам, с плохо скрываемой гордостью указывая на дочь. — А этот мужчина, что так цепко её удерживает, — её наставник, Зейн. Припоминаешь его, дорогая? Он утверждает, что я — чудовище, обложившее дочь стражей и пулями, однако сам готов действовать точно так же. И ещё заявляет, что ни перед кем не преклоняется… — он издал смешок. — Забавно, не так ли? Мы-то осведомлены, перед кем он на самом деле готов пасть ниц. — Его пронзительный многозначительный взгляд переместился на Эстер. — Хотя, вынужден признать, он настойчиво пытается увести её за собой.

Зейн чуть наклонил голову, и по его губам скользнула усмешка.

— Просто терпеть не могу, когда в меня целятся.

Эллен подалась вперёд, и в её зрачках вспыхнул отчаянный, почти безумный огонь.

— Прошу вас… задержитесь. Нам необходимо переговорить. Это вопрос чрезвычайной важности.

— Быть может, позже, — отрезал Зейн ледяным тоном. — Когда здешняя атмосфера станет чуть менее… насыщенной оружием. Скажем, за чашкой чая. Без револьверов.

Лиам хмыкнул.

— Можешь уходить, если желаешь. Окан проводит тебя к выходу. Но Эстер пока побудет с нами. Она куда покладистее и гораздо приятнее в беседе. В отличие от тебя, мистер.

Он намеревался добавить ещё что-то, но слова застряли в горле — взгляд его невольно упёрся в пистолет. Оружие материализовалось в руке Зейна, точно по колдовству.

Зейн удерживал его с ледяной невозмутимостью. Дуло застыло в миллиметрах от головы Эллен.

— Итак, — произнёс он с полным спокойствием, — мы с Эстер покидаем это прелестное местечко. А Эллен исключительно из любезности составит нам компанию до выхода.

Тишина обрушилась на комнату, будто тяжёлый бархатный занавес. Лиам рывком поднялся, лицо его сделалось белым.

— Ты… просто подлец, — сдавленно выдавил он.

Зейн медленно повернул голову.

— Настоящей моей ярости ты ещё не наблюдал. Сядь.

Эти два коротких слова прозвучали так зловеще, что холодок пробежал у Эстер вдоль позвоночника. Лиам помимо воли опустился на стул. Окан оцепенел в замешательстве, его руки безвольно обвисли.

— И вы тоже, — Зейн небрежно кивнул Окану. — Там ещё оставались закуски. Отведайте — возможно, с фетой, а может, с чем иным… Сложно вот так сразу определить.

Его тон едва не вырвал у Эстер нервный смешок.

Лиам стрельнул глазами в сторону боковой двери.

— Не вздумай вызывать Уилла, — предостерёг Зейн. — Иначе пуля достигнет адресата.

Глаза Эллен стали круглыми от испуга, однако Эстер внезапно поняла: это не боязнь, это участие, и адресовано оно вовсе не дочери. Эллен сострадала Зейну — тому, кто сжимал орудие смерти, готовый в любую секунду обратить угрозу в действительность.

— Делайте, что он говорит, — выговорил Лиам безжизненно. В его голосе не уцелело ни прежней властности, ни самоуверенности — одно лишь осознание собственного поражения и уязвлённое самолюбие. Окан испустил глухой рык, но всё-таки сел на стул, метнув в Зейна полный лютой ненависти взгляд. Этот взгляд сулил скорое и кровавое возмездие.

Эллен медленно подняла ресницы, столкнувшись взглядом с Зейном. В её голосе — вздрагивающем, но упрямом — прозвенел странный вопрос:

— Ты ведь уже пересёкся с ним, верно? Ты состоишь на службе у Князя.

Зейн отозвался коротким смешком.

— Пересёкся? Да мы с ним почти что в покер режемся. — Его рот скривился в косой усмешке, а ладонь резко впечатала пистолет в затылок Эллен. — А теперь шагайте. И без резких движений.

— Принцесса… — Лиам беспомощно вытянул руку к жене, в его зрачках захлёстывало отчаяние.

— Всё обойдётся, — шепнула Эллен, пытаясь удержать спокойствие. Была ли она на самом деле храбра, или безупречно отыгрывала роль, оставалось неясным.

— Оснастили его этой…железкой, — пробормотал Лиам. — Прямо как Терминатор.

— Терминатор из меня так себе, — Зейн даже не обернулся. — Максимум — бюджетная реплика. Инструкция к стволу вообще на китайском, разбирайся как хочешь.

Он притянул Эстер к себе ещё плотнее.

— Уходим. Поищем менее самоубийственный способ добраться до правды.

Эстер замерла, вцепившись в его рукав.

— А вдруг... они реально хотят переговоров? Может, мы сами всё перекручиваем?

— Вот уж в чём уверен — до настоящих проблем мы ещё не добрались, — резко сказал он.

— Бесполезно! — Лиам сорвался на крик. — Ему так вымыли мозги, что туда можно смотреться вместо зеркала! Ты никогда не выяснишь, что с ней случилось, ясно?! Так и будешь вечно блуждать в темноте!

— Всё это игры Князя, — тихо произнесла Эллен; в её голосе слышалась глубокая печаль. — Он виртуозно ломает людей. Умеет находить подход. Превращает сильных в безвольных кукол...

— Ещё пересечёмся, — холодно бросил Зейн, уводя их к лестнице.

— Это угроза?! — крикнул Лиам вслед. — Запомни: тебе не избежать встречи со мной! С нами! Она неизбежна!

Зейн через плечо коротко усмехнулся.

— Нанеси эту фразу на футболку.

Ступень за ступенью они спускались вниз. Эллен всё так же служила живым заслоном. Эстер ощущала, как кровь барабанит в висках, точно сводя с ума. В любое мгновение из боковой комнаты мог вынырнуть Уилл, грянет выстрел — и финал. Но кругом стояла могильная тишина. Тётушка тоже словно испарилась — никаких следов.

Эллен нарушила молчание, и в её голосе зазвенела отчаянная мольба:

— Вы обязаны помешать им его отыскать! И ни в коем случае не ищите встречи с Князем! В первую очередь ты, Эстер! Это гибельно! Понимаешь? Гибельно!

— Постой… — вымолвила Эстер почти беззвучно. Она застыла, обернувшись к матери, в чьих глазах стояли слёзы. — С чего ты взял, что они нас обманывают, Зейн? Разве я не заслуживаю их выслушать? Узнать, в чём их истина?

Зейн стиснул кулаки так, что побелели костяшки. Его взгляд стал мрачным, в нём засверкали резкие, словно электрические искры, янтарные вспышки.

— Я просчитался, полагая, будто им что-то известно, — проговорил он, точно слова драли горло. — На самом же деле они только водят нас за нос и снова примутся за то же самое.

— Я хочу услышать, как всё выглядит с их стороны.

Зейн сощурился.

— Оставлять тебя среди хищников я не собираюсь. Полной правды они тебе не откроют, даже если соизволят уронить малую кроху.

— Но, Зейн, — она выдохнула и взяла его за ладонь, — вреда они мне не причинят, но пусть выскажут хоть что-то.

Зейн нервно прикусил губу, уставившись куда-то за дверь.

— Ладно, — сдался он, — только, умоляю, не принимай на веру каждое их слово. И самое главное: едва почувствуешь опасность — кричи, поняла? — Он накрыл ладонью её лицо тем привычным, будто проделанным сотни раз движением, и Эстер ощутила, что это абсолютно правильно. — Я окажусь рядом мгновенно.

Она закивала, выдавив бледную улыбку.

Как только Зейн, отступив, скрылся за порогом, Эстер повернулась и приблизилась к тем, кто звался её отцом и матерью.

— Время у нас, полагаю, на исходе, — проговорила она негромко. — Изложите… всё начистоту.

Эллен бросила тревожный взгляд на Лиама. Тот испустил тяжкий вздох.

— Ты верно заметила, — его тон сделался необычайно нежным. — Настал час раскрыть истину. Прости нас за многолетнюю немоту. Мы грезили для тебя обыкновенной судьбой… Однако путь отмеченных не обрывается без последствий.

— Умоляю, ни единым словом не обмолвись Зейну! — голос Эллен был полон тревоги. — Стоит ему прознать… известие о тебе, как об усилителе, домчится до Князя мгновенно. Точно искра, занявшаяся на пороховой дорожке.

Эстер хмыкнула в душе и утомлённо провела ладонью по лицу.

«Всё в точности по инструкции; возможно, Зейн — и впрямь единственный, кому можно верить».

— Да кто такой этот Князь?! — с горечью выкрикнула она.

Лиам стиснул зубы.

— Верховный дознаватель Дикой Охоты. Их палач и вожак. Они — приспешники Хаоса, его нечистые прихвостни. Мы рассчитывали, что, забросив тебя в грядущее подальше от него, сможем укрыть. Но у Охоты мёртвая хватка памяти. Они не забывают ничего и никого, даже тех, кто уже во прахе.

— Сам Эваль избрал тебя, — прошелестела Эллен, точно опасаясь, что стены имеют уши. — Бог Времени, Хронос. От начала времён светила предсказали твой жребий: быть его орудием, его… энергетическим истоком. — Она осеклась, стискивая ладони дочери. — Эваль хранил тебя. Но в одной из битв ты пала. Он стоял на краю безумия… и открутил время назад. Возродил тебя. Однако Рок выставил цену: тебя надлежало спрятать, притушить твой дар, обратить в «заурядную».

— Однако божества погибли, — почти неслышно вымолвила Эстер. — В моей эпохе Альентар уже долгие годы как стёрт с лица земли. Они сгинули, заточив Хаос.

Лицо Эллен побелело, Лиам отвёл глаза.

— Но твой дар… — выдохнула Эллен. — Он обязан оставаться усмирённым. Эваль дал обет. Как же он…?

Эстер беспомощно развела руками:

— Я-то рассчитывала, что вы мне это растолкуете.

В этот миг в её разуме полыхнул обрывок памяти. Эллен порывисто зажала рот ладонью.

— Перстень, — прошептала она еле различимо. — Эстер, ты непременно должна отыскать перстень.

— Что?! — Эстер воззрилась на мать, будто та изъяснилась на незнакомом наречии.

— Боулдер Опал. Самоцвет твоей мощи. Твой источник. Его выкрали много лет тому назад… Но если Охота наложит на него лапу раньше нас, всему придёт крушение. Это обернётся финалом.

***

Академию буквально трясло от чужого жгучего интереса — с таким напором он ещё ни разу сюда не врывался. Внимание сочилось из стен, густыми волнами висело в воздухе, прилипало к лицам, и любая перемена мгновенно превращалась в перекрёстный допрос. Виной всему оказался хищный автомобиль цвета стамбульского заката — накануне вечером он выхватил Эстер прямо из потока её философских мыслей и растворился вдали, выплюнув напоследок след от шин и оставив толпу в полном оцепенении.

— Так, фанаты горячих новостей, распределяем ставки! — Эврен Озал с лёгкостью запрыгнул на стол и тут же пустил в ход активную жестикуляцию. — Сценарий первый: всем нам небезызвестный нервный тип с повадками, от которых веет историческим факультетом Альентара и дешёвым травести-баром. Фируз и Эстер, как вы знаете, зубами грызли порог, лишь бы прорваться на его лекции. Так вот, болтают, будто наша Эсси провернула какой-то теневой отбор и теперь красуется в его закрытом клубе избранных.

Пространство мгновенно наполнилось гулом, будто кто-то пнул пчелиное гнездо, Эврен считывал нарастающий ажиотаж и кайфовал от собственной власти над толпой:

— Расклад второй: таинственный перец — это просто родня. Скажем, кузен Фируз. Важный нюанс — тоже с радужными вкусами, помешан на тропических бабочках и гоняет на том самом подпаленном спорткаре.

Он подвис, смакуя напряжение, затем резко подался корпусом вперёд и переключился на шёпот:

— И наконец — версия номер три...

— Заткнись уже, Эврен, — обрезала его Фируз. Голос прозвучал как удар хлыста, а когда она с царственным пренебрежением смахнула волосы с плеча, стало ясно — дискуссия окончена. — Можно подумать, случилась трагедия, что Зейн укатил с Розалес. Возможно, у него внезапно случился минус в зрении, и он на полном серьёзе спутал её с вертикальной разметкой.

— Зрение подвело? — медовым голосом поинтересовалась Айсун, но в интонации сквозила чистейшая издёвка. — А как же вчерашний спектакль, где ты вовсю безбожно охмуряла господина Синклера, пока Эстер не заняла место в его шикарной машине? Классический пролёт, милая. Он на тебя даже не смотрел. А Су, — она добавила с кошачьим прищуром, — нам вообще впаривала сказку про наставничество. Якобы они склоняли древнегреческие глаголы. Надо же, какая удача — склонять глаголы в обнимку с тем…! Знаем мы, кто кого склонял!

— Ах, ну конечно! — Эврен с восторгом вклинился в общий гогот и сам расцвёл от произведённого эффекта. — Так вот как нынче выглядит репетиторство: ездишь на огненном спорткаре, берёшь втридорога за каждый склонённый глагол и лапаешь студентку, не прерывая урока. Су, детка, факультатив ты выбрала дырявый. Твой профиль — «Основы маскировки для безнадёжных».

Сунан дёрнула губами в жалкой попытке улыбнуться, но её лицо вопило о полном разгроме. Она рухнула на стул и закрыла лицо ладонями, словно могла спрятаться за собственными пальцами от града насмешек.

— Я действительно пыталась, — её шёпот был едва различим. — Только интриги — не моя стихия, в отличие от Зейна. Мой предел — это ромашковый венок и пара хлипких

отговорок. Все мои версии выходили смехотворнее, чем треп Эврена. Завтра же беру курс «Искусство врать для патологических трусих».

— Лучше интенсив, — бросила Айсун с ядовитой усмешкой, изогнув бровь. — Иначе при следующей встрече ты ляпнешь ещё и размер обуви господина Синклера.

— Всё порушил этот идиотский камень, — пробормотала Эстер, безжалостно теребя подол.

Сунан сидела напротив и смотрела в никуда мутным, но одновременно нахально-торжествующим взглядом енота, который не спал всю ночь, но вышел сухим из воды. Накануне она развязала тотальную войну с книжными стеллажами и сражалась, пока в окно не вломился рассвет. Тяжеленные фолианты, рукописи с обтрёпанными краями, потрёпанный алхимический справочник на вымершем языке — всё безжалостно листалось в судорожной попытке уцепиться хотя бы за крошечную подсказку.

— Боулдер Опал, — заговорила она, — это вообще-то редкий образец австралийского опала с включениями железа. Баек про него полно: якобы прилетел в Канберру прямиком с Сатурна, запускает глубокие личные трансформации и служит амулетом, чья сила сравнима с подземными толчками. И вот здесь загвоздка. — Сунан подняла указательный палец. — Ни один источник, — ты вдумайся, вообще ни единый! — не содержит упоминания о перстне с таким самоцветом. Будто в природе подобного украшения не существовало. Я перекопала ювелирные справочники, перетряхнула архивы, перечитала летописи и отчёты археологов. Лучшее, что удалось найти, — обрывочные слухи об опаловых талисманах, дающих дар ясновидения. А про кольцо — мёртвая тишина.

Эстер сжала брови и тяжело выдохнула.

— Слушай, вдруг это семейная реликвия, которую никто и никогда не вносил в официальные реестры? — осторожно предположила она. — В кино же все главные секреты вечно спрятаны в фамильных драгоценностях: кольца, кулоны, броши… Иногда даже ларцы с секретными отделениями.

— Вот! — Сунан заметно приободрилась. — Я как раз решила копнуть с другого бока и разобрать название по-лингвистически. А вдруг «Боулдер Опал» — вовсе не минерал, а зашифрованный код? И вот… — она потрясла исписанным листом, строки на котором смахивали на галлюцинации горе-переводчика. — Полюбуйся на результат.

Эстер взяла бумагу, сощурилась и еле удержала серьёзное лицо.

— «Бред Лупоглазый», — зачитала она вслух с максимально невозмутимой интонацией. — «Дупло Безоблачное»… Занятно. Сойдёт за названия андеграундных рок-команд. — Она потёрла висок, точно пыталась сложить из этих осколков цельную мозаику.

Сунан фыркнула, прикрыла ладонью рот и тут же выпалила:

— Подожди, слушай коронный вариант: «Боду Урлоп Зелёный»! Представь только: могущественный магический кристалл, который в свободное от подвигов время сводит баланс в бухгалтерии и улетает в отпуск на болгарское побережье.

Эстер с огромным трудом подавила смех.

— Мерси, теперь я окончательно убеждена: подступиться к разгадке этого кольца можно только слегка навеселе.

Очередной язвительный отпор так и завис в горле Сунан — она осеклась, впившись глазами во входную дверь.

— Главная звезда шоу пожаловала, — выдохнула она едва различимо и с напускным усердием покрутила перо в чернильнице. — Сиятельный преподаватель собственной персоной.

Створка ушла в сторону, и на пороге возник Зейн Синклер. Передвигался он так, будто паркет нарочно стелили, чтобы озвучивать его превосходство: ни скрипа, ни стука — одна сплошная демонстрация статуса. Гул в аудитории схлопнулся мгновенно, десятки лиц повер-

нулись разом, а первые ряды девушек пересобрались в образцовых слушательниц — плечи назад, осанка, выражение предельного внимания.

Погоняло «Звёздный» к нему приросло за дело. Он сиял отовсюду: из лекционных залов, закрытых банкетов, тренировочных площадок, даже из пыльных библиотечных углов. Любое его появление тут же становилось происшествием, а дикая смесь обаяния и демонической внешности ускоряла кровь каждому.

Эстер ощутимо ощутила рой бабочек — в памяти тотчас вылезли картины прошлого дня.

— Кажется, нам вот-вот предъявят счёт за каждый сорванный урок, — пробормотала она, старательно сверля взглядом столешницу, лишь бы не пересечься с ним глазами.

— Пусть только попробует! — мгновенно взвилась Сунан, переходя в атаку. — У меня в заначке бомба. Едва он заикнётся о взыскании — я внезапно припомню вслух, что наш почтенный Синклер повязан с той самой структурой, чьё название здесь произносят даже не шёпотом, а мысленно.

Эстер вытаращилась на неё в полном шоке:

— Ты вообще соображаешь, что несёшь?!

— Абсолютно, — с ледяным хладнокровием отозвалась Сунан. — И он… да, курс проложен прямо на нас.

Зейн надвигался с беспощадной неотвратимостью. Его взгляд не оставлял пространства для толкований: *«Вы — расходный материал. Я — неизбежность. Осталось лишь выбрать секунду, когда я решу напомнить вам об этом».*

Придвинувшись к Эстер почти вплотную, Сунан выдохнула с нервным смешком:

— Сейчас и определим, кто мы: безбашенные конспираторши или просто две идиотки, у которых напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

— Обе характеристики — прямо в яблочко, Сунан.

Зейн пересёк аудиторию так, будто всё вокруг смонтировали исключительно ради его выхода. Даже каменные истуканы древних, казалось, побагровели бы от такого напора — настолько убийственно уверенно он приближался.

Тяжёлая папка шмякнулась на стол перед Сунан с громким хлопком.

— Обнаружил там, куда и демоны носа не сунут, — лениво ухмыльнувшись, он выделил голосом финальные слова: — в дамской уборной.

Эстер глянула на папку и едва не прыснула. *«Ага, сейчас скажет, что мы там выли, плясали с бубнами и тащили духов из канализационных труб. Но мы просто искали вход в Министерство магии».*

— Решил, тебе будет приятно заполучить назад эти… чрезвычайно любопытные выписки, — пронзил Сунан взглядом Зейн.

Эстер прихватила губу зубами. *«Успел пролистать или нет? Вот где корень всех бед. Если да — трупы. Если нет — всё равно трупы, только чуть позже».*

В папке лежал итог их бессонных бдений: сумбурное крошево из гипотез, легенд и догадок, которое Сунан обильно приправила собственными фантазиями, будто силой внушения пыталась подогнать реальность под свои схемы. Там теснились предания о Дикой Охоте, хроники Князя — самого первого Инквизитора, а также схемы, больше смахивающие на горячечный бред. Но главный ужас таился на шестьдесят девятой странице. Проклятая шестьдесят девятая. Рядом с пометкой «телекинез» красовалась приписка, касающаяся напрямую Синклера.

«Форменное безумие, — пронеслось в голове Эстер. *— Хотя, если разобраться, все гениальные прозрения начинались либо с бреда, либо с грандиозного провала. Неужели Зейн — член Дикой Охоты? А кольцо? Как оно встраивается в этот пазл?»* — её мысли неслись галопом, пока она отчаянно лепила на лицо спокойное выражение.

— Сунан Гюнез, — голос Зейна сделался ниже и опаснее. — Советую перенаправить бьющую через край энергию в какое-нибудь… безопасное русло. Хотя бы на дисциплины, которые ты методично пропускаешь. — Он слегка навис над ней и почти прошелестел: — Далеко не всё, что заводит ум, стоит раскапывать. Некоторые сведения сродни экзотическим ядам: с виду завораживают, а внутри — чистая отрава.

Сунан не шелохнулась. Без единого слова сцапала папку и задвинула её поглубже в рюкзак.

Аудиторию сковало звенящее безмолвие. Присутствующие оцепенели, впитывая каждое движение развернувшейся перед ними сцены. Невысказанный вопрос буквально плавил воздух: «Что за тайны связывают этих двоих и почему Синклер так упорно не сводит глаз с тех, кого дружно записали в отщепенцы?»

Фируз, сидевшая на несколько рядов ближе, позволила себе тонкую усмешку. Её взор лучился предвкушающим торжеством — будто она уже смаковала картину полного разгрома Эстер.

«Не дождёшься, гадюка, — мысленно осадила её Эстер. — *Игра ещё далека от финала».*

Зейн неторопливо навис над ней.

— Мисс Розалес, вам жизненно необходимо зарубить на носу одну простую истину, — тихо заговорил он. — И внутри Ордена, и за его стенами выживает исключительно тот, кто подчинил себе главное искусство — самоконтроль. Сдержанность — не прихоть, а базовая необходимость.

Фируз мгновенно закивала с видом безупречной студентки, выражающей полную солидарность с наставником. В груди у Эстер взметнулась ярость. Каждое его слово било наотмашь, точно хлыст, но лицо не дрогнуло. Наоборот — она держала паузу, вскинула подбородок и вперилась взглядом в его зрачки, швыряя немой вызов. На несколько вязких секунд оба замерли в беззвучной дуэли.

«Самоконтроль, значит? Ты получишь такой самоконтроль, Синклер, что ещё локти кусать будешь!»

Он едва уловимо улыбнулся. Выпрямился и переключил всё своё внимание на сидевшего неподалёку Эврена. Эстер замерла, судорожно глуша внутренний голос, который тут же зашептал:

«Скажи честно: ты до дрожи хотела, чтобы он коснулся тебя. Прямо как вчера».

Она резко встряхнула головой, разгоняя наваждение, и сжала кулаки до побелевших костяшек, возвращая себе власть над эмоциями.

Зейн неторопливо одёрнул манжету свежей рубашки и окинул притихший класс взглядом.

— Эврен, — окликнул он, — разреши полюбопытствовать: твой свежий опус — опять продукт коллективного творчества из глобальной сети? Ни намёка на собственный вклад, ни одной живой идеи?

По рядам пробежали приглушённые смешки. Эврен вцепился в исписанный листок, состроил невинное лицо, но голос позорно сорвался:

— Вы же сами говорили — можно привлекать любые источники!.. Я лишь… действовал по инструкции.

— Ты «действовал по инструкции», как кот блюдёт диету, — с ледяной невозмутимостью парировал Зейн. — Что ж, мои поздравления: твой диплом отныне красуется в музее несбывшихся амбиций.

— Всё прахом, — с трагическим надрывом выдохнул Эврен, уронив голову на парту. — Прощай, карьера великого рыцаря, привет, кофейный агрегат.

— Кофейный агрегат? — Сунан чуть наклонила голову, и по её губам скользнула ядовитая улыбка. — Да тебе даже доверить кофе наливать страшно! Ты тут же скачаешь рецепт с левого сайта и отправишь первую же партию клиентов в царство Мары.

Класс взорвался хохотом. В ту же секунду Айсун, буравившая Эстер напряжённым взглядом, резко обернулась к ним:

— Что ему понадобилось? — выпалила она, нацелив палец в их сторону. — О чём вы всё время шептались? Что за подозрительная папка? — Её глаза превратились в щёлочки, а указующий перст угрожающе упёрся в Эстер. — И что ещё за гляделки? Между вами что-то есть? Только попробуй признаться!

Эстер едва не задохнулась от возмущения.

— Прошу, избавь от спектакля, — утомлённо бросила Сунан, складывая руки на груди. — Он со всеми одинаков. Просто тебя бесит, что он не выделил особенным образом именно тебя.

— Ах, стало быть, ревность? — Айсун театрально всплеснула руками, изображая потрясение. — Да что вы! Я всего лишь в восторге от его ума! От его остроумия! От его безупречного вкуса!

— Или тебя гипнотизирует, как он вышагивает, словно сошедшее на землю божество? — не выдержала Эстер, подбрасывая дровишек в полыхающий костёр.

— А может, разгадка в том блокноте, где ты вывела «Айсун Синклер» раз двадцать? — подхватила Сунан, и в её взгляде заплясали бесенята.

— Это… это случилось единожды! — прошипела Айсун, заливаясь краской. — И сто лет назад! В прошлой жизни, когда я была совершенно другой.

— Позавчера, — с убийственным спокойствием уточнила Сунан.

Айсун вцепилась пальцами в край стола, из последних сил удерживая невозмутимую мину.

— Я с тех пор переросла себя, набралась и ума, и мудрости! — выкрикнула она, но голос подвел, выдав предательскую дрожь. — Проблема в том, что в этой Академии нормальных парней днём с огнём не сыщешь. Появись хоть один стоящий — всем было бы плевать на преподавателей!

Фируз, как по заказу, в этот самый момент издала полнозвучный, демонстративно-трагический вздох, и взоры тут же скрестились на ней.

— Ну же, не выкручивайся! — глаза Айсун полыхнули настоящим азартом. — Кто-то из вас тайно с ним мутит? Выкладывай, Эстер! И если наврешь… — она сжала пальцы, точно когти, — я тебе скальп сниму!

«Какая удача, — мысленно хмыкнула Эстер. — *Оказаться главной героиней шекспировского размаха страстей, только с душком базарной мелодрамы».*

Зейн, будто не замечая творившегося вокруг балагана, с убийственным спокойствием прошествовал к доске.

— Сегодня мы нырнём в тему, — чётко, будто гвозди вбивая, произнёс он и крупными буквами вывел: «Раскопки в Карпатах».

Эстер едва подавила вздох облегчения. Археология ещё ни разу не выглядела таким заманчивым подарком судьбы — сейчас она стала для неё настоящей отдушиной, бронежилетом от безжалостного допроса Айсун.

Аудиторию захлестнула волна разочарованного гула: зашелестели листы, поднялось приглушённое недовольное бормотание — интерес к происходящему схлопнулся в одно мгновение.

Но Эстер всё же расслышала прорезавший шум ядовитый шёпоток Фируз:

— Только не Эстер. На неё он и бровью не поведёт.

Сунан подалась к подруге, почти не шевеля губами:

— Бедняжка, она реально ни сном, ни духом. Живёт в блаженном неведении.

— Ага, — отозвалась Эстер, лишь уголками губ обозначив улыбку. Внутри же бушевал совсем другой шторм: единственным человеком, которого ей было по-настоящему жаль в эту секунду, оказалась она сама. Затянутая в воронку абсурда, где ирония и угроза переплелись в причудливую, взрывоопасную вязь.

Глава 6. Чтоб алчность и грех им не стали судьбой.

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей вою стороне
И не сдаю оружия без боя?
У. Шекспир.

Восторг Сунан напоминал ликование учёного, чья безумная гипотеза только что подтвердилась. Она возбуждённо обошла Эстер кругом и торжественно, как на церемонии, подвела её к огромному ростовому зеркалу возле стены.

— Та-дам! — выкрикнула она, сопроводив возглас размашистым жестом фокусника.

Эстер застыла, столкнувшись с собственной зеркальной копией. Из глубины стекла на неё смотрела незнакомка — словно героиня старинных полотен: мягкие волны светлых волос свободно спадали вниз, а тёмно-зелёное шёлковое платье обтекало тело с таким благородным изяществом, что Эстер непроизвольно обхватила плечи, спрятавшись от внезапного ощущения собственной красоты.

— О боги… кто эта девушка? — прошептала она, почти не узнавая себя.

— А это, — Сунан выдержала паузу, сделав вид, будто погрузилась в глубокую задумчивость, — та самая персона, при виде которой Академия лишится дара речи. И, заметь, ещё и та, ради которой один весьма почтенный молодой профессор рискует напрочь потерять память, забыть собственное имя и торжественно вручить тебе своё сердце вместе с банковской картой. — Сунан звучно прищёлкнула языком и одарила подругу сияющей улыбкой.

Эстер изогнула бровь с притворным скепсисом, но уголки губ немедленно предали её, поползли вверх и превратились в откровенно дурацкую счастливую улыбку. Она торопливо прикрыла лицо ладонями, пытаясь скрыть смущение, а затем заставила себя вновь принять невозмутимый вид.

— Пусть забывает, — пробормотала она, машинально заправляя за ухо выбившуюся прядь. — Мне-то что с того?

— О, безусловно! — пафосно воскликнула Сунан, подняв глаза к потолку. — Ты же у нас бастион, который никому не взять. Но разреши заметить: я отчётливо различаю целую коллекцию разбитых сердец, уже выстроившуюся у твоих ног.

— Ты преувеличиваешь, Су. — Эстер накрутила локон на палец.

— О! Это я-то? — Возразила Сунан. — Дожили. Я с тобой двадцать лет дружу, Эсси, за тобой толпы бегали с пятнадцати лет, и ни одному парню ты не давала шанса. Ни единому! А я смею заверить, красавчики там были. И одному ты даже нос разбила, помнишь?

Эстер только успела приоткрыть рот для ответа, но в этот момент дверь с ужасающим грохотом распахнулась внутрь — словно её вышибло бешеным порывом урагана.

— Да как у вас совести хватило?! — голос Сенмута раскатился по помещению гневными волнами. — Оставил вас без присмотра всего на пару дней, съездил к семье, а возвращаюсь — и выясняю, что по всей Академии циркулирует грязная байка, будто я слёг… с кишечным расстройством?!

Он замер в проходе, отчаянно размахивая руками.

— Кто запустил эту омерзительную выдумку?! — его взгляд метался между девушками.

Сунан из последних сил глушила рвавшийся наружу хохот. Эстер поспешно отвернулась к зеркалу и впилась зубами в губу, чтобы не рассмеяться.

— Это сделала я, — твёрдо объявила Сунан, распрямив плечи и глядя ему в глаза. — Беру вину на себя. Прости, Сенмут.

— «Прости»?! — взвизгнул он, хватаясь за голову. — Ты втоптала в грязь мою честь! Теперь все за глаза называют меня Сенмут Громовержец Сортирный! Ты вообще отдаёшь себе отчёт в масштабах урона?!

Он вцепился пальцами в волосы и превратил их в хаотичное воронье гнездо.

— Какая исполинская трагедия, — протянула Сунан с притворной скорбью, приложив ладонь к груди. — Но поверь, к завтрашнему дню о твоём… кишечном приключении никто уже не вспомнит. Потому что академию накроет свежая лавина слухов — о том, что Эстер минувшей ночью покоилась в объятиях нашего достопочтенного господина.

Эстер дёрнулась, вдох обернулся кашлем — возмущение застряло в горле.

— Сунан! — процедила она сквозь зубы, чувствуя, как лицо заливает жаром.

— А-а-а, теперь всё ясно! — Сенмут сузил глаза, в его взгляде заплясали лукавые искорки. — Пока обо мне ходят идиотские байки, вы тут греетесь в лучах всеобщего интереса? Что ж, тогда обменяемся любезностями!

Он уставил палец на Сунан с видом беспощадного сборщика долгов:

— С тебя — две бутылки «Негро Амаро». Никакой дешёвой подделки из погреба, только оригинал, выдержанный.

Затем он плавно повернулся к Эстер, вскинул руку, точно вынося приговор, и провозгласил:

— А ты, бесценная, раздобудешь мне «Кайра Винтаж». Не сделаешь этого… — он выждал многозначительную паузу, наслаждаясь произведённым эффектом, — …и я распишу всему свету трогательную легенду, как ты однажды… — его взгляд заметался по комнате, выискивая «декорацию», — …ударилась в необузданный кураж после глотка лимонада и вызвала на танцевальный батл метлу!

— Да никогда в жизни я таким не занималась! — взорвалась Эстер, стискивая кулаки.

— В этом и фокус, — ухмыльнулся Сенмут, и его улыбка стала откровенно хищной. — Кто будет слушать оправдания, когда байка уже облетела всю округу?

Сунан сломалась — издала сдавленный смешок, а затем закатилась громоподобным хохотом.

Картинка в голове у Эстер была куда скромнее: компактная комната, царил мягкий полумрак, пахло свежим кофе, а вдоль стен стояли уютные диваны. Однако то, что открылось перед ними, ломало любые шаблоны — зал больше напоминал тронный чертог, чем жилую гостиную. Глаза разбегались от бескрайнего простора; потолок терялся где-то высоко вверху, и каждая деталь кричала о богатстве. В дальней стене полыхал камин таких масштабов, что в нём свободно разместилась бы целая библиотека. Огонь метал дрожащие оранжевые отблески на бронзовые статуи и лакированные деревянные панели.

Где-то сбоку, почти незаметный, замер изящный клавесин в ожидании первого прикосновения. Резные столики ломились от фруктов, а в хрустальных чашах поблёскивали бутылки с вином. Мебель, обитая пёстрыми тканями, почти тонула в море живого огня: сотни свечей в люстрах и тяжёлых канделябрах создавали таинственное освещение — игру мерцающих бликов и глубоких теней. Эстер остолбенела, слова куда-то пропали. Величие обстановки завораживало и подавляло одновременно. Шаги отдавались гулким эхом, а десятки глаз следили за их компанией.

— Всё, — выдохнула она и шумно втянула воздух. — Вовремя я сделала глоток. Иначе уже валялась бы без чувств.

Сенмут вёл себя так, будто приём устроил лично он: вскинул подбородок, расправил плечи, излучая абсолютную уверенность.

— Выпрями спину, — скомандовал он. — И не забывай: весь твой вид должен кричать, что ты купаешься в таком внимании ежедневно.

Сунан шагнула вплотную, аккуратно заправила выбившуюся прядь за ухо подруги и, прищурившись, зашептала:

— Вообрази: господин Синклер приглашает тебя на танец. Отказаться — немыслимо! Я мечтаю увидеть лица этих ревнивых девиц, когда он обнимет тебя… вот таким движением, — она плавно очертила руками невидимый силуэт, изображая объятия Зейна, и тут же подавила восторженный писк. Её живая жестикуляция и богатая мимика сами по себе тянули на отдельный спектакль.

— Для такого манёвра понадобится солидная доза храбрости, разбавленная вином, — тут же ввернул Сенмут, сверкнув безупречной улыбкой.

Эстер парировала с едкой усмешкой:

— Ах, спиртное здесь — ключевой ингредиент. Плеснёте чуть-чуть — я весь вечер проскучаю тихой скромницей у стены. Переборщите — и я на весь зал затяну матросскую песню. Тогда уж этот вечер точно врежется всем в память!

Сунан фыркнула, закрывая лицо рукой, но её веселье мгновенно улетучилось, стоило Эстер замереть и вперить взгляд в сторону камина.

В золотом свете огня стоял Зейн. Он застыл в своей обычной небрежной позе — кисть одной руки в кармане, локтем второй он опирался на каминную полку. Однако Эстер смотрела вовсе не на него, а на его спутницу.

Фируз сверкала, точно отполированный самоцвет. Платье изумрудного оттенка плотно облегало фигуру, не скрывая ни единого изгиба, а его мерцающая ткань перекликалась с глянцем чёрных волос. Звонкий смех с хрипловатыми нотками разлетался по залу. Её пальцы то и дело легко касались его предплечья — как бы невзначай, чтобы притянуть блуждающий по гостям взгляд Зейна. Взгляд, который на ней самой не останавливался ни на миг. Ревнивому сердцу хватило и этой малости: в груди у Эстер зажглась острая, колючая искра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.